

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

В НОМЕРЕ:

ВРЕМЯ НАДЕЖДЫ

Писатель о судьбах европейской
цивилизации

МЫ И ЗАГРАНИЦА

Сомнения молодого путешественника

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

Читатель хвалит, спорит, сердится

ISSN 0320 8001

1/88

В НОМЕРЕ:

Почта

«Уважаемая редакция...»

2

Из журналистского блокнота

Б. УИЛЛСОН. «Меня не запугают»

7

Проблемы и суждения

Ю. СЛЕПУХИН. Время надежды

8

Новое мышление: теория и практика

Э. БАТАЛОВ. Терпимость

17

Путевые заметки

В. БОГДАНОВ. У венгерских друзей

26

Информация к размышлению

Логика конфронтации

28

Размышление над информацией

В. РУБЦОВ. Логика конфронтации и новые подходы

32

Наши интервью

М. ДЖУНУСОВ. Народный характер — время и нравы

37

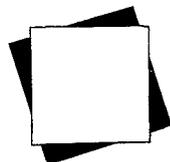
Трибуна молодого публициста

А. ПАНКИН. Мы и заграница

42

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Баррикады перестройки — дискуссия видных советских ученых, писателей и публицистов за редакционным «круглым столом».

«Уважаемая редакция...»

Благодарим читателей за отклики на наши материалы, за желание поделиться с редакцией своими размышлениями «на злобу дня». Ваша почта, как и прежде, подсказывает нам темы для выступлений, помогает ориентироваться в перипетиях общественного движения за перестройку международной жизни на мирных началах.

Коварство «тихой» катастрофы

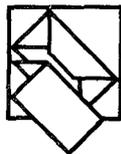
Впервые встретил в книжном киоске журнал «Век XX и мир» № 10/87, был приятно удивлен и крайне обрадован. Подумалось — такой журнал нужен в каждой семье. Давно знал по печати о разнообразной, глобальной, так сказать, деятельности Советского комитета защиты мира, но все казалось, что это где-то далеко от конкретного участия каждого из нас. А здесь вдруг обнаружил такую разностороннюю, интересную, нужную всем как воздух деятельность, что пожалел о запоздалом знакомстве с журналом.

Мир сохранить и защитить мы хотим все, но сейчас этого мало. Пора всем понять, знать: в конце нашего века, в наши дни, невероятно разрушительные силы и средства, оказавшиеся в руках людей в результате научно-технического развития, подвели человечество вплотную к одному-единственному сегодня, безо всяких альтернатив, рубежу бытия: всю жизнь, ежечасно действовать только экологически безопасно, грамотно и в отдельности, и всем вместе. Только такими должны быть безотлагательно стать все земляне наших дней, всех возрастов, профессий, общественных положений. Другого выхода предупредить уже появившуюся на горизонте катастрофу просто пока не существует.

Уже нет времени на долгие дискуссии. Начинать надо бозотлагательно, доводить до сознания каждого живущего на земле тот минимум знаний, который действительно обеспечит экологически разумное поведение в любой обстановке. При этом в первую очередь начать с тех профессий и видов деятельности, которые связаны с использованием (непосредственно или опосредованно) наиболее мощных средств воздействия на природу.

Разумеется, дело не только в экологическом образовании. Здесь нужна продуманная повсеместная система экологической безопасности. И для достижения главной цели — сохранить мир экологически безопасным — нужно подключить все общественные движения, охватить все стороны жизни, найти формы экологически безопасного поведения и в семье, и в школе, и на производстве.

Сейчас уже многим понятна опасность ядерной катастрофы. Мы стараемся всеми силами ее предотвратить. Но диалектику никто не отменял, поэтому нужно видеть и другое: катастрофически меняется среда жизни всего земного от неестественного накопления в окружающей среде веществ антропогенного происхождения. Это изменение пока

количественное, но бесконтрольно мы приходим к пределу — качественному изменению, противоречащему законам эволюции, и жизнь на земле может исчезнуть столь же внезапно, как при ядерной катастрофе. Эта «тихая» катастрофа меньше понимается, чем ядерная, но кто докажет, что она менее опасна?

Так или иначе, но любые катастрофы такого рода в конечном счете экологические. Поэтому нужно думать и действовать и по частям (защита от ядерной, химической и прочих катастроф), и более широко — защита мира от экологической катастрофы вообще. По этому направлению нужно развернуть такую же кампанию, как против ядерного оружия.

Всегда самыми эрудированными о состоянии Земли были географы; они ее описали, оценили применительно к человечеству. Сейчас хоте-

лось бы, чтобы географы заново описали, осмыслили нашу Землю, какая она есть теперь, чтобы знать то, что мы все должны охранять. Хорошо было бы, чтобы именно географы, притом наши, отечественные, стали зачинателями самого широкого движения за сохранение географической среды на Земле.

20 октября 1987 года в Ленинграде на VII Всесоюзной конференции по медицинской географии я выступил от Могилевского областного научного общества врачей (будучи его председателем) с предложением начать широкое движение: **«Медики-географы, врачи, географы — за предотвращение экологической катастрофы»**. Работы здесь — непочатый край, если взяться серьезно.

Александр МЕЖЕННЫЙ,
кандидат медицинских наук,
г. Могилев.

Кому «дозволено» подписка?

Меня зовут Лена. Мне четырнадцать лет, учусь в восьмом классе. Уже четыре года провожу политинформацию. Интересуюсь политикой, читаю политическую литературу. Однажды мне попался ваш журнал и очень понравился. Я захотела его выписать. Тем более, что подписка принимается без ограничений. Но когда я попыталась это сделать, мне сказали, что выписывать его могут только парторганизации. Мне сказали, что даже на школу нельзя. Добавили, что дети все равно ничего в политике не смыслят. Я вас очень

прошу ответить мне, можно ли выписать «Век XX и мир».

Лена МЯГКОВА, Куйбышевская обл., село Челно-Вершины.

Разумеется, можно, Лена. А тем людям, которые отказались тебя пописать, покажи объявление в № 9/87: «Подписка принимается без ограничений общественными распространителями печати по месту работы, учебы и жительства, в агентствах «Союзпечати», на почтамтах и в отделениях связи». Причем, круглый год.

РЕДАКЦИЯ

Конституция — и дух, и буква

Статья А. Нуйкина «Мы все за мир?» (№ 10/87) своим трезвым, спокойным ходом рассуждений наводит на размышления о конституционности приведенных в ней ситуаций.

В сложившейся юридической практике заметно разделение на две сферы: одну составляют законы **важные**, другую — **второстепенные**. Первые, например Закон о всеобщей

воинской обязанности, выполняемые с пристрастием, ощущимо присутствуют и работают среди нас. Вторые существуют на бумаге, отодвинутые на задний план, откуда могут быть востребованы, если нужно кому-то продемонстрировать, что есть (!) у нас и Закон о защите мира... Трудно избавиться от неприятного впечатления, что ко «второму разряду» отнесена и сама Конституция.

По замыслу, Конституция должна быть сводом общих положений — атмосферой, которой дышит страна, и одновременно почвой, рождающей законодательные реалии. Но сейчас конституционные нормы существуют для нас как понятия отвлеченные, находящиеся в паразитично слабом соприкосновении с действительностью. Серьезные последствия имеют нарушения производственные, плановые, не говоря уже об уголовных, но практически не известны случаи запретов, налагаемых на антиконституционные порядки и установления. Наша жизнь удручающе стеснена обилием всевозможных инструкций, представляющих собой не что иное, как формы запрещений — запрещения входить, пребывать, пользоваться, передвигаться, хранить, проживать, покупать, продавать, свободно экспериментировать и т. п. Допустим, вы приехали в Москву и хотите заглянуть в известное всей стране высотное здание университета. У вас ничего не выйдет! Бдительная милиция невежливым запретом надолго испортит вам настроение, если вы не повернете назад, заведя у входа усиленный наряд.

Кто определяет меру вседозволенности, правильно ли она определена и в каком объеме закона? Многие присылаемые извне научные публикации облагаются бременем штампов и степенями допуска, на глазах приобретая вес государственной тайны — от своих же сограждан! Географические карты, работа с которыми нередко влечет пятилетний срок невыезда за рубеж, продаются в Европе в любом специализированном магазине: находится ли в соответствии с Конституцией эта глупов-

ская практика? Вспоминаются слова Скотта Фицджеральда о том, что лучше всего охраняется «дверь, за которой ничего нет, потому что пустота слишком неприглядна».

Почему молодого человека, пришедшего в армию исполнять конституционный воинский долг — долг **гражданина**, — в первые же минуты службы лишают неотъемлемого, той же Конституцией оговоренного права иметь личную собственность? Можно согласиться, что наличие у рядового радиопередатчика или видеокамеры нежелательно для Министерства обороны, но законы ли другие запреты? Не решить ли вопрос о конституционности запрета призывнику иметь при себе одеколон, крем для бритья, гитару или 10 лезвий — вместо «положенного» **одного!** Вероятно, таким образом Министерство обороны закаляет будущих воинов (потому же, видимо, в казармах не бывает горячей воды!), но при той же логике впору ввести в армейский обиход систему спартанских истязаний — с целью приучения личного состава переносить боль...

Перед Конституцией все граждане равны: женщины и солдаты, пенсионеры и заключенные. Ею обещаны равные права **всем**, и если слова Конституции не имеют **буквального** смысла, они не имеют **никакого**. В конечном счете это лишает страну **граждан**, поставяя им на замену обывателей, непрерывно, по Салтыкову-Щедрину, «упражняющихся в опасном хождении». Пассивно подчиняющиеся, безразличные люди и демагогически разглагольствующие карьеристы образовали два самых распространенных и социально выигрышных типа. Предоставляю судить, таков ли идеал воина—защитника Отечества... Именно конституционный дух отныне должен сделаться главным критерием, которого недоставало для превращения Конституции в живой орган, определяющий движение всего государственного тела.

Виктор ЗОЛОТАРЕВ,
руководитель группы
«Гражданское достоинство».

Страшусь бездумья

В номере 10/87 вашего издания мое внимание привлекло письмо «Ищу единомышленников».

Я согласна с автором статьи в том, что сейчас необходимо говорить о нравственном ежедневно, ибо духовное оскудение общества налицо. И очень грустно это констатировать.

Мне думается, что должен быть в нашей стране какой-то орган, который бы ориентировал людей на «стремление к общечеловеческому благу, свободному от национальных и политических предрассудков». Именно создание общественных градаций (класс, нация, социалистическое общество — капиталистическое) предрасполагает к оскудению этических понятий.

Да, у нас предпринимаются попытки возродить этическое мышление, но его место (я вновь цитирую) «занимает глубоко пустившее корни массовое бездумье». Бездумье же порождается, на мой взгляд, стереотипностью общественных идеалов, «бездумным патриотизмом», «страхом конфликта с обществом».

В журнале «Огонек» № 36/87 была опубликована статья В. Яковлева «Прощание с Базаровым». Она встревожила меня. В ней речь идет о неформальных организациях. Суть этой статьи я восприняла так: гово-

рите, говорите, выпускайте пар, а потом мы этот поднятый шлагбаум закроем.

Так вот, в связи со всем этим хочется задать вопрос: а что дальше? По каким путем будет дальше блуждать душа человеческая? Кто будет «поднимать — открывать» шлагбаум, разрешать — не разрешать говорить то, что думаешь, кто будет формировать идеалы, задавать тон нашему мышлению в дальнейшем?

По профессии я экскурсовод. Ежедневно общаюсь с большим количеством людей самых различных социальных групп и национальностей. И как часто на иного соотечественника приходится смотреть как на «брата своего меньшого», а единомыслие чувствуешь с людьми, которых и не знаешь (например, американские активисты борьбы за мир).

К сожалению, заорганизованность в работе, чрезмерная загруженность иногда подавляют в душе ростки вселенской любви, много времени занимает и борьба с «неестественными жизненными условиями». Поэтому очень рада была прочитать статью в вашем журнале и почувствовать, что об этих вопросах, волнующих меня, думают в нашем обществе.

Елена ИВАНОВА,
г. Ломоносов.

Безработица для генералов?

Война, как известно, является совершенно неприемлемым социальным злом. С каждым убитым солдатом нарушается нормальное функционирование общественного механизма и кто-то где-то теряет потенциального покупателя.

Если молодые люди чувствуют себя в обществе достаточно уверенно и без колебаний выходят из дома в большой мир, то это просто нормальная поведенческая модель.

То же можно сказать и о сообществе наций. Помощь молодым и неопытным нациям является прямым долгом наций более старших, мудрых и сильных. Последние просто обязаны научить своих младших братьев тому, как исправлять ошибки, без которых еще никому не удавалось обойтись, снять потенциальные проблемы, сделать национальную экономику стабильной и обеспечивающей всеобщее благосостоя-

ние, с тем чтобы за сравнительно короткий срок все граждане этой молодой нации могли зажить в мире и довольстве.

Когда нация живет в мире и довольстве, это значит, что появились потенциальные покупатели, которые готовы заплатить за некий товар.

Не может быть и сравнения между ценностью благосостояния простой человеческой семьи и производством М-16 и АК-47. Недопустимо также, чтобы более мудрые и сильные нации грабили природные богатства наций малых и молодых. В противном случае более сильные нации уподобляются громиле-старшекласснику, грабящему беззащитных малышей в школе. Это еще одна модель социально недопустимого поведения.

Неверно было бы также думать, что существует дешевое природное сырье и дешевая рабочая сила, так как, покупая их за жалкие гроши, вы тем самым грабите население страны, которой все это принадлежит, и опять же теряете потенциальных покупателей.

За день честной работы должно платиться справедливое вознаграждение. Если задуматься, проанализировать и принять эту идею, принять не только разумом, но и всем сердцем, человечество еще на шаг приблизится к пониманию общности своей судьбы. А ведь сейчас в головах у всех такая путаница!

С далекой эпохи средневековья существует колониализм, и с тех же времен существуют люди, оправдывающие и поддерживающие эту систему. Диктат социальных, этнических или расовых групп — будь то в своей стране или над народами других стран — также является социально недопустимой моделью поведения, так как ведет к политическому, социальному, экономическому и интеллектуальному порабощению большинства населения данной страны некоей группой. Это не только социально недопустимо, но и просто плохо.

Настанет время, когда каждый человек поймет, что он не просто от-

дельная капля воды в океане человечества, но одна из тех капелек, без которых этот океан просто невозможен.

Давно сказано: «Убивать грешно, но убить тирана по имени Война, чтобы человечество могло спокойно спать по ночам,— это акт великой добродетели». Но уничтожение войн грозит безработицей многим военным, в том числе и генералам, адмиралам и маршалам.

Может быть, этих великих военных лидеров с несравненно большей выгодой использовать в битвах с таким врагом, как загрязнение окружающей среды, земли и воздуха ядовитыми и ядерными отходами?

Я пытаюсь здесь быть кратким, но сейчас, когда я пишу этот абзац, я невольно думаю о Никарагуа и Афганистане.

США и Советскому Союзу давно пора отказаться от своих притязаний на то, чтобы влиять на обстановку в обеих упомянутых выше странах, отказаться от подрывных действий там — как уже проводящихся, так и только планируемых, направленных против интересов коренного населения. Необходимо помнить: если нация не может сама справиться со стоящей перед ней проблемой, помочь ей должны все страны — члены ООН. Разве не для этого была создана ООН?

Требуются великие люди, великие вожди, которые нашли бы в себе мужество прекратить конфликт и помочь бывшему противнику залечить раны.

Нас учили с детства, что война, смерть, лишения и голод неизбежны. Нет! Это не так!

Они существуют **только** до тех пор, пока мы того хотим.

Мы, люди, **можем** победить этих четырех врагов человечества, если мы все решим это сделать.

Дон ФРЕДЕРИК,
г. Вивервиль, США.

Брайан УИЛЛСОН:

«МЕНЯ НЕ ЗАПУГАЮТ»

Во время посещения США делегацией Советского комитета защиты мира в октябре 1987 года удалось договориться о встрече с человеком, который стал символом антивоенного движения в Соединенных Штатах. Имя этого человека — Брайан Уиллсон. Это он встал на пути поезда, который перевозил оружие для никарагуанских контрабандистов и попытался его остановить, но поезд не остановился. В результате инцидента у военно-морской базы США в Конкорде (штат Калифорния) Б. Уиллсон остался без обеих ног и получил тяжелые травмы головы, но врачи спасли его жизнь.

Дом Брайана находится на окраине Сан-Франциско. На наш звонок за дверью ответили: «Входите, не заперто».

В коридоре напротив двери нас встречал сам хозяин квартиры, который сидел в инвалидной коляске. После взаимных приветствий Брайан отметил, что мы первые советские люди, с которыми он познакомился. Руководитель нашей делегации, известная поэтесса Римма Казакова, передала ему приглашение Советского комитета защиты мира посетить нашу страну с семьей в удобное для него время. Брайан отметил, что приедет, как только позволит здоровье, — может быть, в начале 1988 года.

Мы рассказали о сборе подписей под листовкой, в которой содержится требование к американской администрации наказать виновных в бесчеловечном акте в Конкорде. О потоке писем и телеграмм, поступающих в СКЗМ, в которых выражена солидарность с борьбой Б. Уиллсона против вмешательства США в Никарагуа и восхищение его мужеством.

Брайан рассказал, что ему идет корреспонденция со всех уголков земного шара. Он поднял пачку писем, перебрал ее и достал одно письмо, которое, как оказалось, пришло из далеких Чебоксар.

В ходе нашей беседы Брайан держал это письмо в руках и даже пытался про-

честь отдельные слова. Оказалось, что в молодости он изучал русский язык и готовил себя к карьере профессионального разведчика. «Да, да, — сказал Брайан, — и собирался поступить на работу в ЦРУ, бороться против мирового коммунизма, и в первую очередь против вашей страны». Он рассказал, что вырос в маленьком городке, где настроения были консервативны. Это оказало влияние на формирование его убеждений. Он воевал во Вьетнаме и верил, что защищает «свободный мир» от коммунистической угрозы. Но постепенно он начал понимать, что война во Вьетнаме никого не защищает, а, наоборот, несет только смерть и страдания невинным людям. К этому выводу пришли многие ветераны войны во Вьетнаме и, естественно, оказались в рядах антивоенного движения США. Вместе со своими друзьями он вышел на рельсы у военной базы в Конкорде, чтобы не дать превратить Никарагуа в еще один Вьетнам. Это была мирная акция гражданского неповиновения, и военные власти были заранее извещены об этом. Но власти, видимо, решили запугать участников акции и в их лице всех сторонников мира США. Поезд не только не остановился, хотя машинист отчетливо видел людей на пути, но даже увеличил ход и врезался в толпу демонстрантов.

Брайан прерывает свой рассказ и некоторое время молчит. Молчим и мы. Он продолжает: «Этим варварским актом они не только не запугали нас, но добились противоположного результата — теперь на рельсы к базе приходят сотни и сотни людей, и власти вынуждены их арестовывать, а пути оцепляют шеренгами морских пехотинцев. Только так им удается проводить поезда. Как только здоровье позволит, выйду опять на рельсы, меня не запугают».

Михаил ЩЕДРОВ

Время надежды

Юрий СЛЕПУХИН

Вплотную у какого-то грозного предельного рубежа стоит ныне наша европейская цивилизация, постыдно не выдержавшая испытания временем. Это очевидный факт для каждого, кто не поражен блаженным недугом исторической слепоты.

Никогда еще люди в Европе и Америке не жили в таком изобилии богатств и таком убийственном духовном убожестве, в такой унижительной зависимости от ими созданной и уже им не подвластной техники. И никогда еще так не страдали мы от тайного, порою полуосознанного ощущения своей человеческой неполноценности. Наверное, не ощущать ее было бы легче; но мы еще храним в генетической памяти остатки двадцативековой культуры — этически самой совершенной из всего обретенного человечеством за его долгую историю. Полузабытое, бездумно промотанное, на какие только медяки не разменное, великое это наследие все еще принадлежит нам, все еще делает нас людьми. Страдающими, ущербными, но — несмотря ни на что — способными надеяться.

А сохранять эту способность все труднее. Близится к концу век, политической доминантой которого был дух насилия и нетерпимости, и лишь теперь начинаем мы понимать, до какой степени искалечило нас последовательное соблюдение принципов, регулировавших общественную жизнь некоторых ведущих стран Европы в двадцатые-тридцатые годы.

Может быть, это прозвучит кощунственно но мартиролог погибших за

свои убеждения — еще не самое страшное из того, что оставляет после себя тоталитарный режим. Христианский культ мучеников основан на мысли, одинаково бесспорной как для верующих, так и для атеистов: человек, который предпочел смерть отречению от истины, остается в памяти окружающих высочайшим примером нравственности и тем самым закладывает в нас самих потенциальную способность к такому же подвигу.

Увы, есть примеры и с обратным знаком. В любой стране, которая прошла через диктатуру, число сознательных жертв режима — тех, кто, избрав духовную свободу, предпочел умереть стоя, — всегда оказывается несоизмеримо меньше числа выживших на колених. Даже ничем не запятанный лично — сам не убивал, не доносил, не раболепствовал сверх неизбежного — каждый из выживших все равно носит в себе некий фермент безнравственности. Тирания страшна не столько физическим уничтожением непокорных, сколько моральным растлением покорившихся.

Если в первой его половине наше столетие справедливо называли «веком диктаторов», то потом наступил период массового отмирания диктатур. Но опыт Европы показал, что растлевающее влияние тиранического режима на подвластное ему общество сохраняется надолго и после смены власти. Душевно ущербными всегда остаются два поколения: как сломленное диктатурой, так ею же и выпестованное.

Многие беды нашего времени объясняются именно этим. Терроризм, ска-

жем, целиком вырос на почве, унавоженной тираниями всех оттенков. В отличие от бомбометателей прошлого века, которые (несмотря на всю дикость их представлений о методах политической борьбы) были все же — как правило — людьми нравственно чистыми, нынешние краснбригадники, РАФовцы Баадера-Майнхоф и иные им подобные представляют собой отбросы общества, конечный продукт его многоступенчатой деградации. Здесь, обобщенно говоря (и оставляя в стороне просто авантюристов), можно выделить два основных психотипа: это либо фанатик шигалевичины*, для которого возведенная в абсолют «идея» оправдывает любые преступления, либо ущербная личность, страдающая комплексом неполноценности. Полвека назад такие шли в С.А., в чернорубашечники, ставшие опорой любого диктатора, дававшего им — в обмен на слепое повиновение — возделенную власть, право безнаказанного насилия.

Ошибкой было бы недооценивать опасность современного терроризма, как угрозы нравственному здоровью общества. Многие успокаивают себя тем, что любое общественное движение тем менее жизнеспособно, чем более крайние взгляды исповедует. В принципе, это так; но разве не видели мы, что способна натворить иная экстремистская система взглядов — пусть даже «нежизнеспособная» и просуществовавшая (в масштабах Истории) совсем недолго?

Зло обладает странной притягательностью. Задумаемся хотя бы над той симпатией, которую явно испытывают к террористам многие представители интеллектуальной элиты Запада. Я говорю сейчас не о парижских студентах с красными цитатниками — это не элита, это интеллектуальная чернь. Увы, стремление вызвать у читателя сочувствие если не к методам террора, то во всяком случае к его идейному обоснованию совершенно отчетливо можно

* Шигалев — персонаж романа Достоевского «Бесы».

проследить, например, в некоторых произведениях писателей ФРГ — признанных мастеров, пользующихся международной известностью.

В этом, скорее всего, проявляется особого рода извращенный нонконформизм: отрицание принципов истэблшмента переходит в интеллигентское любовование теми, кто «борется» с ним, поджигая универсальные магазины. Подсознательно, человека влечет именно то, чего сам он лишен; не случайно самые устрашающие коллекции холодного оружия обычно собирают люди, не способные резать курицу. Но это лишь одна сторона проблемы — ее, так сказать, юмористический аспект.

Есть и другой, более серьезный. Конечные итоги почти полувекового периода диктатур, когда целым народам силой навязывался тот или иной образ жизни и мышления, как известно, оказались самыми ужасающими геноцид целых этнических и социальных групп, хаос в экономике и внутренний распад государственных аппаратов (парадок-

сально — при внешнем, кажущемся их укреплении!) неизбежно сопровождается глубочайшим нравственным одичанием общества. Естественно было ожидать, что, когда тоталитарных режимов не станет, цивилизация наша выйдет из испытания надежно immunизированной, защищенной хотя бы от повторения недавних ошибок.

Этого, однако, не случилось. Как и многие другие прогнозы, основанные на вере в изначальную доброту человеческой природы, не сбылась и эта надежда. Кровавые уроки истории мало кому пошли впрок, и насилие как метод действия все еще представляется кое-кому наилучшим решением труднейших вопросов. Более того — умонастроение, которое не назовешь иначе, как неототалитаризмом, овладевает в наши дни все более широкими слоями общества, причем как в странах, не знавших диктаторских режимов, так и в переживших самые жестокие формы диктатуры и до сих пор от нее не оправившихся.

Логика этого явления проста и именно поэтому обладает привлекательностью. Человеку, возмущенному творящими вокруг безобразиями (а безобразия, те или иные, творятся в любой стране), предлагают простой выход: нужно где-то возврат к твердой власти, которая не допускала ничего подобного, при которой царили послушание и порядок.

О том, какой ценой достигался этот «порядок», одни умалчивают сознательно, другие не знают, третьи не помнят. У человеческой памяти есть два коварных свойства: прошлое — любое прошлое — для нас всегда окрашено ностальгией и выглядит благоднее, чем было в действительности; и мы к тому же слишком легко забываем все, что угрожает нашему чувству самоуважения.

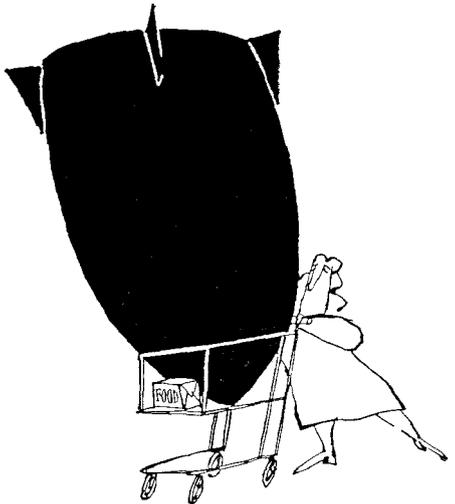
Поэтому не следует недооценивать опасность появления уже в наше время новых тоталитарных режимов — возможно, еще более свирепых, ибо пресловутая спираль исторического развития имеет скверную тенденцию закручивать все круче с каждым новым витком. Это с трагической очевидностью проявилось в Чили в 1973 году: два-

дцатью годами ранее соседняя Аргентина тоже была во власти диктатуры, однако при Пероне там не было ни массовых расстрелов, ни превращенных в застенки стадионов.

Гарантии от рецидивов тирании в той или иной форме нет нигде. Тирания всегда возникает на почве общественного неблагополучия, в обществе здоровом ей взяться неоткуда. Сегодняшнее же состояние общества в этом смысле попросту взрывоопасно, и это касается большинства стран нашего культурно-исторического ареала.

То, что угрозой номер один является возможность ядерного самоубийства, общеизвестно; всецело поглощенные этой мыслью, мы гораздо реже задумываемся над тем, каковы реальные перспективы мирного исторического процесса — в том случае, если человечество сумеет удержаться на краю пропасти.

Попытаемся экстраполировать во времени сегодняшнее положение вещей, исключив фактор международной напряженности; допустим, ее удастся снизить до безопасного уровня и на этом уровне стабилизировать. Но можно ли игнорировать другие факторы? В мире сегодня противодействуют друг другу две отчетливо выраженные тенденции: с одной стороны, все шире распростра-

являются явления, обусловленные нравственной деградацией общества (хищническое — ради наживы! — разграбление природы, организованная преступность, терроризм, наркомания и т. п.), но это же реактивно порождает и массовый протест, осознание необходимости положить этому конец л ю б о й ц е н о й. Отсюда совершенно реальная опасность прихода к власти неототалитарных режимов той или иной окраски, которые будут выступать под заманчивым лозунгом «наведения порядка».

Следовательно, два наиболее вероятных варианта будущего примерно таковы: в зависимости от того, какая из названных тенденций одержит верх, к началу третьего тысячелетия нам придется существовать либо в отравленном и перенаселенном хаосе полного беззакония, либо в стопроцентно «упорядоченных» государствах-казармах того типа, что предсказывали Замятин и Оруэлл.

Оставаясь на почве трезвого реализма, этому достаточно мрачному выводу нельзя противопоставить сегодня никакого хоть сколько-либо убедительного возражения.

И все же принять такой вывод тоже нельзя. Нельзя согласиться с тем, что мы заперты на угловом поле, что история поставила мат нашей цивилизации. При всей очевидности — все равно нельзя, этому противится врожденный оптимизм человеческой природы, который изначально заложен в нас как один из важнейших элементов психофизиологического механизма самосохранения.

Значит, все-таки остается надежда. Наивная, казалось бы, и почти беспочвенная, ибо не опирается ни на что конкретное. Но разве не эта надежда ведет нас по жизни — начиная с того момента, когда мы впервые начинаем осознавать весь трагизм бытия? В отличие от животного, существующего в блаженном неведении, человек сознает свою смертность и — что, может быть, еще тяжелее — отчетливо представляет себе, насколько ничтожен шанс прожить этот неведомый ему срок хотя бы относительно благополучно. И если это знание не сводит нас с ума и не мешает радоваться жизни, то лишь благодаря действию врожденного оптимизма. Без

него человек не прожил бы и дня — так же, как не смог бы тронуться с места водитель, которому завязали глаза и предложили ехать вдоль обрывистого ущелья по узкой серпантинной дороге со встречным движением.

Поэтому мы надеемся и сегодня. Надеемся, по сути дела, на чудо. Если оно произойдет, когда-нибудь его назовут революцией духа. Если же чуда не случится, то этого «когда-нибудь» вообще, скорее всего, не будет.

Разумеется, слово «чудо» я употребляю сейчас не в его прямом, а в трансцендентном смысле; употребляю лишь для того, чтобы подчеркнуть необыденный характер того, через что нам предстоит пройти.

Мы должны стать другими. Переделать свое сознание, выработать в себе новое видение мира, новое понимание самих себя. Сейчас много говорится о «новом мышлении» (в частности, политическом); но это не то, ни к какому подлинно новому мышлению мы — такие, как есть сейчас, — органически неспособны.

Нам придется заново переосмыслить пройденный нашей цивилизацией исторический путь, по меньшей мере последний его отрезок. Необходимость такого переосмысления понимается уже многими — отсюда, кстати, повышенный интерес к исторической литературе; размышления Алексея Панкина в «Почте редактора» июльского номера наглядно это иллюстрируют. Я полностью солидарен с автором, когда он говорит о важности «объективного, незащоренного знания истории», и тем больше огорчило меня, что А. Панкин понял мою статью «Верим ли мы в реальность угрозы?» как призыв к забвению прошлого. Вина тут моя — значит, не сумел высказаться достаточно ясно. Обычно оправдывающий себя в художественной литературе «принцип айсберга» в публицистике, видимо, иной раз и не срывает.

Единственное место у А. Панкина, которое вызвало у меня внутренний протест как выпадающее из общего тона его серьезно аргументированных замечок, это напоминание о том, что всегда, мол, кто-то жаловался на повреждение нравов, всегда хватало мрач-

ных предсказаний, а человечество «здесь себе живет и развивается». Проводить аналогию между нашими сегодняшними тревогами и эсхатологическими спекуляциями средневековых мистиков — по меньшей мере наивность.

А что историю надо знать объективно и незащищенно, это, конечно же аксиома. Более того повторяю, сегодня историю надо уметь переосмысливать. А это не так просто. Это потребует перестройки сознания, решительной ломки многих стереотипных представлений, еще недавно казавшихся незыблемыми.

Некоторые из них, впрочем, уже рухнули сами — это облегчает задачу. Так, например, в совершенно новом освещении предстает сегодня давний спор между наукой и христианской церковью. Почему церковь всех вероисповеданий так упорно пыталась задержать процесс эмпирического познания?

Еще сто лет назад любой просвещенный человек отвечал, не задумываясь, потому что церковники были темны и невежественны. Сегодня уже приходится подумать. Невежественны — допустим, если взять чуждую им область естественных наук, тем удивительнее, что они уже в XVI веке сумели безошибочно предсказать кризис, разразившийся в XX в.

Провозглашая греховность знания, которое всегда исходит от дьявола, церковь имела в виду такое свойство человеческой природы, как безграничная и ни с чем не считающаяся любознательность. Какой исследователь добровольно остановится на пороге важного открытия, даже догадываясь, что последствия его могут оказаться губительными? На своем «профессиональном жаргоне» — и на языке своего времени — церковь попросту предостерегала общество от грозной опасности, которая многим тогда казалась смехотворной от господства науки, вырвавшейся из-под контроля морали и здравого смысла.

Насколько обоснованы (и дальновидны!) были эти предостережения, мы можем в полной мере оценить лишь теперь — когда ядерная смерть, уже стерегущая нас на земле и в глубинах океана, может в недалеком будущем повиснуть над планетой дамокловым мечом космического базирования.

Совершенно по-новому следует сегодня рассматривать и такое явление, как ренессансный гуманизм. Мы издавна гордимся гуманистическими истоками европейской культуры, и привычный пиетет до сих пор мешает нам трезво, не ослепляясь блеском прославленных имен, разобраться с этим далеко не однозначным наследием.

Восставшие против гнетущего аскетизма средневековой церкви, итальянские гуманисты надеялись возродить дух античности с его жизнелюбием, со свойственной ему (как им казалось) более либеральной концепцией человеческой личности, не отягощенной христианским догматом первородного греха. Прекрасная цель, казалось бы, — будь только она достижима. Но достичь ее было невозможно из-за полной утопичности самого замысла.

Во-первых, история никогда не возрождает того, что отцвело и давно угасло. Во-вторых, — и это, пожалуй, главное — таким ли «гуманным» был античный мир?

Не говоря уже об императорском Риме, чудовищно бесчеловечном даже по тем далеким от милосердия временам, подлинной гуманности не было и в афинской демократии. Платон и Аристотель, как известно, оправдывали рабство в самой жестокой форме, положение «свободной» женщины в семье мало чем отличалось от рабского в смысле полнейшего бесправия. Каким бы искажениям ни подверглось учение Христа в последующие эпохи, нельзя отрицать, что идейный поединок с античным миром оно выиграло именно благодаря тому, что выступило против института рабства, впервые провозгласив равнозначность всех живущих на земле.

Заблуждаясь в отправных предпосылках, идеологи гуманизма стремились, таким образом, к заведомо недостижимому. Но почему же тогда столь утопическое движение не зачахло в самом начале, почему — напротив — набрало такую мощь, что ему удалось в относительно короткий срок повернуть ход всей европейской истории?

Здесь еще раз сробатал пресловутый закон запретного плода. Средневековому обществу, уставшему от гнета мо-

ральных обязанностей, которые налагала церковь, предложили вдруг полное от них освобождение, разрешили все, что ранее было под запретом. Это и обусловило огромную притягательность нового учения, помешало разглядеть скрытую в нем опасность.

А опасность крылась немалая, ибо за призывом к освобождению духа стояла, по сути, проповедь нравственного безначалия. Четко разделенные в теории, на практике эти два понятия — анархия и свобода — постоянно смешиваются, и провести меж ними четко различимую грань удается далеко не всегда.

Неудивительно, что задуманное гуманистами воспитание новой породы «свободного человека» очень скоро начало порождать людей попросту безнравственных; или, скажем точнее, людей с весьма зыбкими критериями нравственного. Эпоха Возрождения прославлена не только блестящими успехами в области наук и искусства, но и ужасающим падением нравов во всем образованном обществе, начиная с папского двора.

Когда в жизни все идет гладко, мы обычно не склонны к самоанализу. Потребность в нем приходит в трудные моменты — если неблагоприятие не вызвано внешними факторами, мы начинаем искать причины внутри себя, пересматриваем прошлое, задумываемся над правильностью полученного воспитания. И нередко оказывается, что допущенные воспитателями ошибки и предопределили всю нашу судьбу.

Это мы можем сказать теперь и о себе. На судьбе европейской цивилизации фатально сказались все просчеты идеологов гуманизма. Моральная нетребовательность в сочетании с самовлюбленностью и ощущением вседозволенности — вот главный порок, который мы, выйдя из-под сковывавшей нас церковной опеки, унаследовали от новых наставников.

Вся наша культура складывалась под влиянием типично ренессансного культа Прометея — гордого титана, восстающего против высших сил; это обусловило и характер нашей цивилизации, агрессивной по своей сути, исполненной духом «бури и натиска», запрограм-

мированной на безграничную экспансию во всех сферах.

Путь, которым мы шли, долго казался триумфальным. От успеха к успеху, от завоевания к завоеванию — и никто не подозревал, какой страшной ценой придется потом платить за все эти пирровы победы. Особенно наглядно проявилась наша безответственность в отношениях с окружающей средой, в поистине варварском насилии над природой на протяжении последних ста лет; возмнив себя титанами, мы упустили из виду, что — перефразируя известное высказывание Ломоносова о музах — природа не такая девка, которую всякий изнасиловать может. Безнаказанно, во всяком случае, это не проходит.

Правда, тут мы уже прозрели. Оказавшись перед реальностью полного экологического краха — опомнились, спохватились, каемся теперь в содеянном. Но губительное влияние титанизма на другие сферы деятельности еще далеко не осознано во всем его объеме, и в первую очередь это относится к науке. После Хиросимы заговорили об ответственности ученого — не поздно ли?

Впрочем, даже этот урок не пошел на пользу. Сегодня тот же «синдром Прометея» гонит нас на совершенно непредсказуемый по последствиям штурм космоса, искушает исследователей таким опаснейшим направлением научного поиска, как геновая инженерия.

Когда несколько лет назад в печати появились первые сообщения о попытках манипулировать со структурой генома, их встретили с понятной тревогой — речь шла о методике создания, в частности, искусственно «перекроенных» вирусов (именно этим путем, по мнению некоторых ученых, в результате какой-то лабораторной ошибки, появился позднее вирус СПИДа). Были даже призывы к добровольному мораторию на все работы в данной области. Но призывы остались без отклика, протесты скоро утихли, и сегодня о геновой инженерии (или хирургии, как ее еще называют) говорится уже в самых восторженных тонах — как о новой победе человеческого разума, открывающей неогримые перспективы для медицины,

животноводства и пр. Как будто мало еще перспектив, открывшихся с расщеплением атома!

Нелишне напомнить, кстати, что в изначальном своем смысле миф о похитителе небесного огня — это миф-предостережение; у древних греков самым тяжким грехом считалась гордыня, «hubris», бунт против существующего порядка мироздания Гесиод, первым обратившийся к этому образу, показывает Прометея пройдохой, обманщиком, лишенным героических черт; такие черты титан приобретет лишь в «прикованном Прометее», что будет справедливо отмечено как решительный разрыв Эсхила с архаической традицией. Именно в этой переосмысленной трактовке восприняли образ Прометея поздние гуманисты — и создали культ, которому мы бездумно поклоняемся по сей день.

На нашей памяти многие языки мира обогатились русским словом «спутник». Теперь к ним прибавилось еще два: «гласность» и «перестройка». Как хотелось бы, чтобы последний термин вошел не только в лексикон журналистов, но и в сознание всех людей доброй воли!

Ибо в революционной перестройке нуждается не только наша страна не только ее экономика, культура, общественные отношения. Мне уже приходилось об этом говорить но скажу еще раз: мир сегодня слишком един, чтобы можно было замыкаться в изоляционизме, разделяя тревожные симптомы на «свой» и «чужие». Нет для нас больше ничего чужого — ни чужой боли, ни чужой тревоги, любой фактор неблагоприятия, где бы он ни возник, рано или поздно ударит и по нам — даже если ему придется обогнуть земной шар.

Это положение отнюдь не устраняет национальных особенностей, и каждая страна остается со своими наболевшими вопросами. Если нам, скажем, приходится сегодня перестраивать неэффективную систему хозяйствования, заново прививать работающему человеку утраченную им заинтересованность в результатах труда, то на Западе этих проблем нет. Но там есть другие, не менее остро требующие решения. Так или иначе в перестройке сегодня нуждаются все. И прежде всего в ней нуж-

дается наше сознание, беспомощное перед сложнейшими реальностями конца второго тысячелетия и до сих пор пытающееся опираться на ветхие упрощенные критерии давно ушедшей эпохи.

Так, оно все еще отказывается признать, что пройденный нами путь был путем во многом ошибочным, хотя это совершенно очевидно, ибо в противном случае человечество давно уже наслаждалось бы обещанной некогда гармонией.

Пример стойкости такого ретроспективного оптимизма — замечания Эдуарда Скобелева в той же «Почте редактора» (№ 7/87) по поводу некоторых высказанных мною мыслей, в частности о «великом разочаровании XX века». Мой уважаемый оппонент утверждает, что никакого разочарования вообще нет, а есть лишь «горькое прозрение» (не поясняя, как это можно «горько прозреть», не испытав разочарования). «В XX веке, — пишет Э. Скобелев, — не удалось до конца осуществить и проверить жизнь ни один из проектов совершенного человеческого общества: мечта о совершенном обществе по-прежнему жива. Она не отвергнута ничьим опытом по той причине, что такового опыта еще не было». Что мечта жива готов согласиться; говоря о «великом разочаровании», я не утверждал, что его испытывают все решительно без исключения; мечтатели будут всегда, и это хорошо. Но вот на счет того, что не было проверки жизнью и не было опыта, тут требуются разъяснения.

Какие конкретно проекты не осуществлялись и не проверялись — фланстеры Фурье? Или Город солнца Кампанеллы? Читатели надеюсь поняли, что я не такие проекты имел в виду, да ведь и сам Скобелев признает, что «не удалось до конца осуществить и проверить жизнь» (разрядка моя — Ю. С.) Согласимся, несколько неадекватно выглядяет после этого утверждение, что «такового опыта не было».

В том-то и беда что опыт был и осуществлялся на наших многострадальных глазах отнюдь не равные мечты

визионеров эпохи Просвещения, а проекты куда более современные, построенные — как нас уверяли — на незыблемой научной основе. А если «не удалось до конца», так вот эта и есть та самая проверка, которую они не прошли. Потому-то и не удалось их осуществить — а иначе что помешало бы?

Ссылаясь на личное знакомство с условиями жизни в США и Швейцарии, Э. Скобелев возражает и против моего тезиса о том, что в промышленно развитых странах Запада люди добились практически всех социальных благ, о которых могли мечтать в прошлом. «Разве все они сыты? — спрашивает он. — Все получили доступ к знаниям и культуре? Достигли желанной свободы от насилия?» Первый вопрос вызывает, честно говоря, просто чувство неловкости; что касается знаний и культуры, то готов повторить — да, сегодня они доступны там всем желающим. Понятно, что не каждый американец может позволить себе послать сына в Гарвард, но это уже совершенно другой вопрос, это вопрос доступности престижных и высокооплачиваемых профессий. Они, естественно, доступны немногим; но смешно же утверждать, что только в элитарных колледжах «Ivy League» может сегодняшний американская молодежь приобрести культуру и знания! А если она не очень-то охотно посещает музеи, библиотеки и разного рода общеобразовательные (и общедоступные) курсы, которых так много в США, если в массе она предпочитает дискотеки, то объясняется это причинами, имеющими весьма отдаленную связь с вопросом реального равноправия общественных слоев.

И, наконец, о свободе от насилия: здесь надо прежде всего уточнить, о каком насилии идет речь. Если Э. Скобелев имеет в виду бывшее когда-то нормой насилие капиталиста над рабочим — бесчеловечные условия труда, нищенская зарплата, — то от этого насилия рабочий на Западе свободен. Это я могу утверждать, прожив там 12 лет, причем в странах отнюдь не таких благополучных, как названные моим оппонентом. При желании можно, конечно, рассматривать как «насилие» чрезвычайно жесткие западные требования

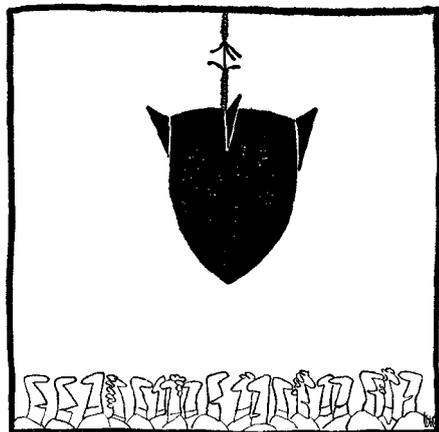
к трудовой дисциплине и производительности, но это насилие необходимое: к нему сегодня вынуждены прибегать и мы, жесткими мерами искореняя, скажем, пьянство на работе.

Верно то, что человек на Западе не свободен от других видов насилия — физического, угрожающего ему со стороны преступного мира, насилия духовного, исподволь осуществляемого массовой культурой, и наконец насилия экономического, которое делает граждан «общества потребления» безвольными жертвами моды и рекламы, работающими на износ ради бессмысленного уже приобретательства.

Но это лишь подтверждает мою мысль о том, что наша цивилизация поражена глубоким недугом: стоит решить одну проблему, как тут же возникает десяток других, еще более сложных. Корень же недуга, главный врожденный порок европейской цивилизации — это односторонность ее развития, выразившаяся в преобладании титанического, агрессивно-деятельного начала. Способность к рефлексии при этом подавлялась, жадная потребность делать попросту не оставляла времени на размышления.

Заметим для наглядности, что в цивилизациях азиатских (например, индуй-

Рисунки на стр. 9, 10 и 15 — Лена Мунника (Нигерланды).

стской) наблюдалась как раз обратная диспропорция развития там деятельное начало было издавна подавлено первоочередной потребностью человека во внутреннем самосовершенствовании. Отсюда — утонченная духовная культура при технической отсталости, часто дававшей европейцам повод для глупейших спекуляций расистского толка.

Всякая односторонность вредна. Идет ли речь о личности или целой культуре, ее развитие должно совершаться гармонично, без перекосов и упущений которые обходятся слишком дорого. Японцы поняли это первыми — насколько не поступившись своей национальной культурной традицией, они сумели в несправедливо короткий срок овладеть всем техническим аппаратом западной цивилизации. Пусть не так стремительно, но рано или поздно их примеру последуют и другие страны Азии и Африки — в эпоху НТР у них просто нет альтернативы. Историческая диспропорция развития будет, таким образом, постепенно выравниваться.

Можно ли надеяться что подобная «коррекция курса» (в другую сторону, естественно) произойдет и у нас? Думаю, к этому есть все основания.

Как в Америке, так и в большинстве европейских стран общественное мие-

ние начинает уже осознавать, что время безнаказанности «бури и натиска» кончилось и нам теперь предстоит пожинать горькие плоды собственного посева. Отрезвление, как я уже отмечал, прежде всего наступает в вопросах, связанных с экологией, но ведь отсюда недалеко и до более широкого пересмотра принципов нашей цивилизации.

Определенная часть западной молодежи, как известно, эту цивилизацию не приемлет в целом. Провозглашая полный от нее отказ, одни уходят в восточную мистику, другие предпринимают наивные попытки вернуться к своего рода первобытно-общинному строю (хиппи, «дети-цветы» с их семейными коммунами и т. п.) Социологи левого толка склонны трактовать это как протест чуть ли не классовый против буржуазного истеблишмента, но борьба классов тут ни при чем.

Молодежь, если разобраться, протестует не против цивилизации как таковой, ее не устраивает цивилизация нашего европейского образца — «титаническая», ненасытно алчная, одинаково безжалостная и к окружающей среде и к самому человеку. И если протест зачастую выливается в формы нелепые или даже антисоциальные, то это несколько не снижает его значимости как знамения времени.

Из почты Фонда мира

Не ради славы, а во имя мира, всего живого на планете пусть мой скромный взнос будет символом борьбы за будущее (50 руб.)

Татьяна РЯБИЦКАЯ

Томская обл.

Посылаю добровольный взнос из пенсии. Пусть наши дети и внуки живут в мире, дружбе, под чистым небом! (50 руб.)

г. Воронеж

Ирина ЛОЗОВАЯ

В ответ на ядерные взрывы в Неваде высылаю вырванные мною деньги за фотографии. Призываю фотографов Кал-

мыкии внести посильный вклад в дело мира. Не допустим войны! (10 руб.)

Олег САВИН, 13 лет

Сарпинский р-н, с. Садовое,
Калмыцкая АССР

Уважаемый Фонд мира! Высылаю свою пенсию за четыре месяца. С уважением к вам, член Фонда мира (260 руб.)

Зинаида ИСАЕВА

г. Тбилиси

Пусть мой рубль участвует в борьбе за мир (10 руб.)

Мария ВОРОЖНИЦЕВА

г. Постава,
Витебская обл.

Эдуард БАТАЛОВ

ТЕРПИМОСТЬ

Воображаемый диалог о реальных делах

По роду деятельности (я работаю в Институте США и Канады АН СССР) мне, как и коллегам по институту, приходится встречаться с представителями западной, прежде всего американской, общественности. Последнее время мы, естественно, прежде всего разговариваем и спорим о новом мышлении, перестройке, гласности, судьбах демократии в Америке и перспективах ее развития в Советском Союзе. В предлагаемом материале я использовал записи этих бесед, так что в принципе он документален. Только собеседникам я дал условные имена американец Роберт Гудвилл и наш соотечественник Владимир Добровольский (для не знающих английского или/и русского; у этих фамилий одно значение: «добрая воля»). Что касается самой диалогической формы, то она стара, как мир. Просто долгие годы мы не пользовались ею — всё выслушивали Монологи. Думается, наше время диалогично по самому своему духу. Итак...

Г. Помнится, во время последней нашей встречи, год с лишним назад, мы обсуждали советский план создания безъядерного мира.

Д. И тогда у Вас были какие-то оговорки.

Г. Не оговорки, а скорее «рационализаторское предложение», как у вас говорят. Если помните, я говорил примерно так. Допустим, что это — чертовски сложная штука, но допустим, что мы очистили землю от ядерного оружия. Стратегия сдерживания... даже не стратегия, а целая культура сдерживания, включая мышление и поведение, порожденные этой стратегией, летит ко всем чертям. И вот спрашивается: а как жить в этом новом мире, на что опереться? Ведь противоречия и проблемы,

включая глобальные, остаются с нами. Остается, а может, даже возрастает, вероятность конфликтов. Как их решать в безъядерном мире? Как строить новые международные отношения? Одним словом, чем заменить культуру сдерживания? Ваш план не дает ответа на эти вопросы. Военно-техническая альтернатива не дополняется у вас альтернативой политической и социокультурной. И это ослабляет воздействие вашего плана на Запад. Вот я и советовал Вам, если помните, поработать над этим.

Д. Формально Вы правы. В целом, так сказать, кодифицированном виде мы такую альтернативу действительно не выдвигали. Возможно, об этом стоило бы подумать. Но тот, кто внимательно следит за советскими инициативами, не мог не обратить внимания на наши новые предложения, касающиеся грядущего мироустройства и отношений между народами в «ядерный век».

Г. Вы имеете в виду «новое мышление»?

Д. Не только. Происходит, как мне представляется, дальнейшее обогащение содержания принципа мирного сосуществования, хотя он и не обрел еще современной теоретической формы.

Г. Поставим вопрос так. Вы лично и ваши советские политики — как представляете вы себе жизнь в безъядерном мире?

Д. Позвольте ответить вопросом на вопрос. Что Вы и знакомые Вам политики на Западе считаете самым опасным в современных международных, межгосударственных отношениях? От чего всем нам необходимо избавиться?

Г. Тут не может быть двух мнений — от страха. Страх вызывается недоверием, недоверие — плохим знанием друг друга и т. п. Цепочка длинная. Но глав-

ное звено в ней — страх. Стабильный мир — это мир, в котором один не боится другого.

Д. Страх парализует, согласен. Но сам я вижу корень многих бед не столько в страхе, сколько в нетерпимости. Мир задыхается от нетерпимости — политической, этнической, нравственной, культурной, религиозной. Жгут, убивают, воюют... Даже если мы изживем страх друг перед другом, но останемся нетерпимы друг к другу, покоя в мире не видать. Терпимость становится, на мой взгляд, императивом современной эпохи. Посмотрите вокруг. Жизнь меняется на глазах. Мир сжимается. Миграционные потоки населения усиливаются. Растет число суверенных государств. Совсем еще недавно отделенные друг от друга горами и океанами народы становятся, благодаря современной технике, соседями. Растет взаимосвязь и взаимозависимость. Мощь, сила государств резко возрастает в деструктивном плане и относительно уменьшается в плане конструктивном.

Г. Любопытный парадокс.

Д. А разве это не так? Сегодня уже многие страны могут в одиночку разрушить чуть ли не целый мир, но даже самое мощное государство не в состоянии в одиночку спастись. Поэтому, размышляя о мерах доверия, об искоренении страха, важно подумать и об искоренении нетерпимости, стремления одного народа столкнуться другой в космическую бездну. И мне кажется, что в нашей внешней политике идея спасения мира через терпимость...

Г. Ваш Достоевский говорил, что красота спасет мир.

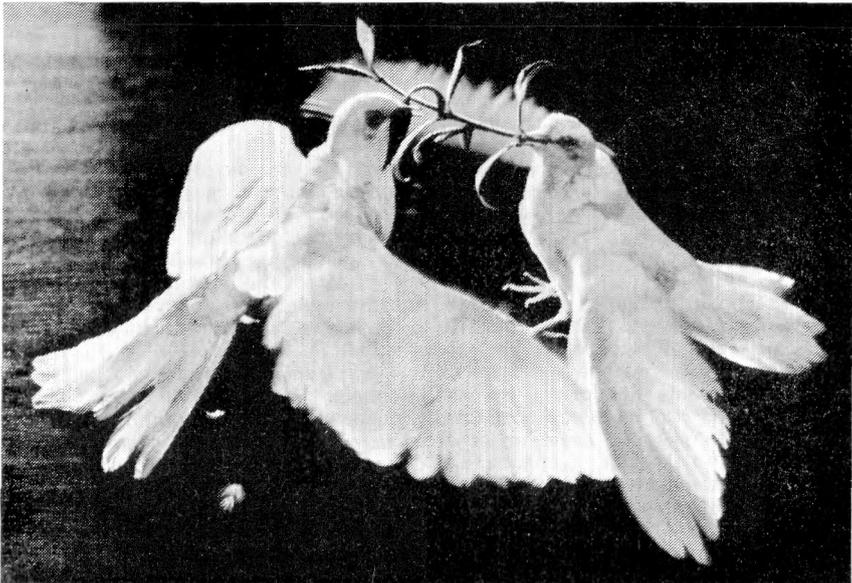
Д. И терпимость. Так вот идея спасения мира через терпимость — «Живи и дай жить другим» — все отчетливее пробивает себе путь.

Г. Как принцип нового мира?

Д. Как принцип нового мира. Знаю, Вы мне скажете, что еще Христос и Конфуций советовали не делать другим того, чего не желаешь, чтобы сделали тебе. Но ведь вечные принципы потому и вечны, что всегда новы. Совсем не

«Мирные переговоры».

Изошутка Сванга Фишерстрема (Швеция)

обязательно быть христианином или конфуцианцем, чтобы исповедовать принцип терпимости.

Г. Многие зависит от того, как его трактовать.

Д. Несомненно. Но есть и традиция, о которой не грех вспомнить сегодня.

Г. Вы, конечно же, имеете в виду знаменитые «Письма о веротерпимости» английского философа Джона Локка, писанные им триста лет назад?

Д. Если Вы иронизируете, то совсем напрасно. Ведь многие его высказывания, хотя и касаются религии, выходят по сути своей далеко за ее пределы. И звучат весьма современно. Вот послушайте: «...Отдельные церкви должны, подобно частным лицам, всегда взаимно соблюдать мир, равенство и дружбу, не претендуя на верховенство или юрисдикцию друг над другом... Ибо всякая церковь правоверна для себя самой и ошибочна или еретична для других. Все, во что верит данная церковь, она считает истиной, а противное этому — ошибкой. Так что в споре относительно истинности доктрин и чистоты богослужения эти церкви находятся в равном положении...».

И далее. «Я говорю только одно: как ни ясно для нас, что та или иная вещь выведена из Писания, мы не должны навязывать ее остальным как необходимым член веры на том основании, что мы считаем ее согласующейся с законом веры. Иначе мы должны были бы согласиться также, чтобы нам навязывали таким же образом другие доктрины и чтобы нас заставляли принимать и исповедовать все различные и противоречивые мнения лютеран, кальвинистов, ремонстрантов, анабаптистов и других сект, которые изобретатели символов, систем и исповеданий привыкли выдавать своим последователям за подлинные выводы из Священного писания».

Г. Вы отыскали себе прекрасного союзника.

Д. Позволю себе, однако, привести еще одно высказывание из первого «Письма». «Не только наше правительство пристрастно в делах религии, но и те, кто пострадал от этого пристрастия и поэтому пытаясь в своих сочинениях защитить свои права и свободы, делают это большей частью на основе узких

принципов, соответствующих только интересам их собственных сект. Эта узость духа, проявляемая всеми сторонами, без сомнения, является главной причиной наших несчасть и беспорядков».

Г. Призывая в союзники Локка, Вы хотите, как я понимаю, сказать, что терпимость — это «широта духа». Каждый признаёт за другими права, какими пользуется сам, и не навязывает никому собственных принципов в качестве «самых истинных». И ему никто не навязывает принципов, которые он не примет.

Д. Дело не только в правах. Терпимость обязывает на деле признать законность деяний и взглядов, отличающихся — возможно, самым радикальным образом — от Ваших собственных. Вы отвергаете, но не уничтожаете, не запрещаете, не ликвидируете, не искореняете, не закрываете, не устраняете и т. п. то, что Вам, возможно, хотелось бы уничтожить, запретить и т. д. Но и к Вашим поступкам и взглядам, которые для кого-то тоже нож острый, будут относиться столь же терпимо.

Г. Но ведь есть, как мы все знаем, вещи нетерпимые в цивилизованном обществе.

Д. Разумеется. Терпимость, как и всё на свете, имеет границы. В принципе они определяются нормами закона и простыми нормами нравственности — не убий, не укради и т. п.

Г. Это всё в принципе. А реальные границы терпимости определяются, как мне представляется, силой и стабильностью. Чем увереннее чувствует себя государство, группа, организация, индивид, — тем они терпимее. Впрочем, если поразмыслить, можно найти немало случаев, когда мера терпимости отставала от меры силы.

Д. Именно в такой ситуации пребывает человечество сегодня. Потому и необходимо общими усилиями довести до сознания каждого народа, что без взаимной терпимости мир нам не спасти.

Г. Признаться, слушаю я Вас и удивляюсь. Советский марксист говорит о терпимости. Представитель нации, которая — уж простите меня за прямоту — не принадлежит к числу самых терпимых в мире. Ведь вся ваша послерево-

люционная история — это сплошная история нетерпимости.

Д. Если Вы, Роберт, обратитесь к истории революции, то без труда обнаружите, что революция нетерпима, авторитарна по самой своей сути. Возьмите Англию, Францию, Америку, наконец. Правда, в революции 1776 года ваш основной классовый противник находился за океаном и потому голов вы порубили меньше, чем в свое время англичане, французы или русские. Но социальной и политической нетерпимости в американской революции тоже было предостаточно. В то же время на Западе почему-то забывают, что у русской революции, как революции социалистической, была замечательная особенность. Да, революционеры были нетерпимы к церкви и к буржуазии. Но с первых же дней русская революция провозгласила и поддерживала дух братства всех рас и народов, дух всемирного интернационала.

Г. Согласен, пусть национальная и расовая терпимость — достоинства вашей революционной культуры. Другое дело, что ход мировых событий повернулся совсем не так, как вы ожидали... Но ведь была в вашей истории и другая сторона. Давайте — в духе гласности — скажем о ней открыто. Ваша социальная и политическая нетерпимость не знала пределов. Вспомните хотя бы 30-е годы. Вы были нетерпимы не только по отношению к «буржум». Это еще можно понять. Вы были нетерпимы по отношению к нейтралам, превращая их во врагов. Есть, как Вы понимаете, два подхода к нейтралам: «тот, кто не против нас, тот с нами» и «тот, кто не с нами, тот против нас». Вы выбрали второй. Прекрасный пример терпимости! Да что там нейтралы, — вы были нетерпимы к своим. Сколько миллионов жизней ваших соотечественников, а кстати сказать, и иностранцев-интернационалистов, было загублено в те годы! Вы страшились даже назвать общее число репрессированных.

Д. Не нужно предъявлять нам счет, хотя я не сомневаюсь в Вашей личной искренности и доброй воле. Мы ведь тоже могли бы предъявить вам счет за индейцев, за чернокожих рабов, за жертв первоначального накопления и

капиталистической конкуренции, за жертв маккартизма, жертв расовой сегрегации...

Г. Так ведь и предъявляете! Ваши политики, историки, журналисты. Тут паритет налицо. Но согласен: мы собрались здесь не для того, чтобы предъявлять друг другу претензии. Поймите меня правильно. Я полностью поддерживаю Ваш тезис о терпимости. Но я не вполне убежден, что государство, которое не является достаточно терпимым в своей внутренней политике, способно последовательно отстаивать этот принцип в своей политике внешней.

Д. Мы пережили много трагического, много такого, чего, на мой взгляд, вполне могли избежать без ущерба для дела социализма. Это относится и к терпимости. И сегодня мы предъявляем себе — хотим предъявить, по крайней мере — самый суровый счет. Но Вы должны понять логику нашего развития. Многие на Западе, рассуждая о социализме, упускают из виду, что это общество развивающееся. Общество, которое проходит в своем развитии — иногда чрезвычайно болезненно — ряд стадий. И судить о нем надо, исходя не только из того, что было вчера, но также из того, что есть сегодня и что мы намерены делать завтра. Социализм становится более демократичным и терпимым. Он просто не может не становиться таковым, если хочет выиграть мирное соревнование с капитализмом.

Г. Не спору, новые тенденции налицо. Они хорошо заметны для постороннего глаза. И все же я не могу отделиться от впечатления, что степень стабильности вашего общественного строя и зрелости вашего социалистического сознания, как сказали бы ваши пропагандисты, намного превышают уровень политической терпимости, существующей в советском обществе. Если хотите знать мое мнение, перестройка, как я ее понимаю, — с ваших же слов — требует открытых дискуссий, отказа от монополии на истину и освобождения людей от страха наказания за неосторожно оброненное слово, за критические замечания по адресу лидеров или даже за действительно ошибочное суждение.

Д. Предлагаете нам создать советский Гайд-парк?

Г. Гайд-парк, скажу я Вам, прекрасная штука. Ее придумал умный кукловод. И иметь такую игрушку совсем недурно. Но сейчас я говорю о серьезных вещах. А именно о терпимости к альтернативным мнениям на уровне принятия решений — словом, о том, что иногда называют «социалистическим плюрализмом». Конечно, все это может стать действительным фактором общественной жизни лишь при наличии соответствующих правовых гарантий и при условии, что ваше высшее руководство не будет считать себя непогрешимым и пожизненно избранным. Не менее важна, конечно, и поддержка снизу. Не просто согласие с тем, что провозгласили верхи, но очередное «спасибо партии и правительству», а инициатива, напор, критика, за которую партия и правительство сказали бы «спасибо» народу. Я, разумеется, не собираюсь вас ни поучать, ни упрекать...

Д. Американцы, скажем прямо, грешат этим. Прямо-таки вселенские судьи!

Г. Возможно, и есть такой грех. Но я лишь делюсь собственными мыслями и впечатлениями. За тот месяц, что я пробыл в вашей стране, я переговорил со многими людьми, прочитал кое-что из того, что печатается у вас в газетах и журналах. Некоторые вещи и разговоры производят сильное впечатление. Но у меня сложилось мнение, что нетерпимость клочочет во многих душах. Люди хотят не просто освободиться от балласта, отыскать истину, но и расправиться. Одни — со старым, другие — с новым. Некоторые письма, печатающиеся в ваших газетах, письма от простых людей, потрясают меня своей жестокостью и нетерпимостью. Их авторы не просто выражают несогласие — это как раз нормально, — но требуют чуть ли не казни тех, кто думает иначе, нежели они сами. А кое-кто, как следует из этих писем, направляет их копии в КГБ.

Д. Да, терпимости к политическому инакомыслию нам пока явно не хватает, хотя если вспомнить, в какой среде воспитывались эти люди, нетрудно понять логику их действий. Тут нужны годы.

Г. Сами слова «инакомыслие», «инакомыслящий» превратились у вас в страш-

ные ярлыки. Как будто при социализме все должны мыслить одинаково!

Д. Давайте смотреть вперед. Почитай-те наши газеты: все за демократию! Но демократия и терпимость (до пределов очерченных законом и моралью) — это, говоря словами поэта, «близнецы-братья». Значит, участь демократии, будем учиться терпимости. Повторяю, на это уйдут годы. Иногда мне даже кажется, что поколения. Но начало положено — и это главное. И действовать надо не только на внутривластном, но и на внешнеполитическом фронте. Вот поэтому-то я и завел об этом разговор. Повторяю, в моем представлении терпимость как принцип международных отношений следует рассматривать в качестве дальнейшей конкретизации принципа мирного сосуществования.

Г. Иначе говоря, сосуществовать можно по-разному. И именно сосуществование, основанное на терпимости, отвечает, с Вашей точки зрения, императивам нового мира?

Д. Совершенно верно. Ведь можно, будучи трезвым политиком, признавать сам факт физического существования данного государства и даже как-то взаимодействовать с ним, но при этом не признавать его юридически, отрицая за ним права, которыми обладаешь сам, то есть считать его как бы исторически и юридически незаконнорожденным. Можно подняться в сосуществовании на более высокую ступень и признать данное государство де-юре, по-прежнему считая его иллегитимным в политико-цивилизованном отношении. Наконец...

Г. Как я понимаю, это нарек на США, которые долго не признавали вашу страну, полагая в первые послереволюционные годы, что Советская власть вот-вот падет. То была, конечно же, недалековидная политика. Но ведь и в России долгое время были уверены, что социалистическая революция вот-вот охватит мир, похоронив капитализм, в том числе и американский. Ни того, ни другого не произошло. Теперь и Востоку, и Западу ясно, что в ближайшей перспективе нам предстоит или сосуществовать или не существовать.

Д. Сегодня вопрос в том, как сосуществовать, на каких принципах. Мне кажется, кое-кто в Соединенных Штатах

по-прежнему считает нас — да и мировой социализм в целом — «незаконным ребенком» истории. Вспомните, сколько раз за последние годы ваш президент поучал нас, как жить, и отправлял на «свалку истории», как «империю зла»...

Г. Помилуйте, Владимир! Я не оправдываю президента. Но сколько раз ваши лидеры и пропагандисты отправляли нас на ту же самую «свалку»? Хрущев, так тот — мы это до сих пор вспоминаем — «закопать» нас обещал.

Д. Было, не спорю. Но в политике важны не только факты, но и тенденции — готов повторять это сколько угодно. Всмотритесь в действия тех, кто формирует нашу нынешнюю политику, вслушайтесь в их речи — и вы обнаружите в них и широту, и корректность, и терпимость, которых так не хватало нашим бывшим и не хватает — простите меня за откровенность — вашим нынешним лидерам.

Г. Вернемся к теме нашей беседы. Если я правильно Вас понял, речь идет о том, чтобы каждая сторона признавала не только факт физического существования других сторон, не только их полноправность в качестве юридических лиц, но и, так сказать, их цивилизационную легитимность или, говоря Вашими словами, «историческую законнорожденность», а я бы сказал — право на жизнь. Это означало бы и признание необходимости взаимного уважения, отказа от враждебной пропаганды, от попыток навязывать друг другу собственные ценности, предоставив народам выбирать собственный путь. Это что же — мир без борьбы, без соперничества, без веры в собственную победу?

Д. Вовсе нет. Не думаю, чтобы из мира когда-нибудь исчезли соперничество, борьба, конкуренция. Но вы може-

те вести борьбу, не прибегая к запрещенным приемам. Можете, даже должны, верить в собственную победу. Но признайте и за соперником те же права и не покушайтесь на них. Пусть Время и История рассудят всех. Разумеется, и здесь существуют естественные границы. Я имею в виду нормы международного права и общечеловеческие нравственные нормы.

Г. Итак, Вы, марксист, предлагаете признать не только факт существования капитализма, но и его легитимность, и хотите, чтобы капитализм признал легитимность коммунизма. Не отступаете ли Вы тем самым от марксистской догмы?

Д. Марксизм — не догма, в этом все дело. А что касается его принципов, то от них я не отступаю ни на шаг. Ибо один из этих принципов — признание того, что существует на самом деле. Капитализм законным образом явился на свет — почитайте об этом у Маркса — за много столетий до социализма. Потом на тот же самый свет явился — не менее законным образом — социализм. Обе формации существуют закономерно с исторической точки зрения, хотя переживают, как мы считаем, разные стадии эволюции. И при этом устранение соперника вовсе не обязательно является сегодня условием существования и развития другой стороны.

Г. Ну а что станет с ними завтра? Ведь не будет же это состояние вечным.

Д. Вероятнее всего так. Но я пока не вижу, когда и как нынешняя ситуация могла бы измениться коренным образом. Так что давайте оставим грядущие заботы грядущим поколениям, а сами, руководствуясь здравым смыслом и исходя из реального положения вещей, думать не только о том, как выжить, но и как сделать нашу жизнь более достойной человека. Ибо все мы люди.

В ЗАЩИТУ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ

Какой будет жизнь людей в XXI веке — разумное существование или безрассудное движение к самоуничтожению. Как сохранить флору и фауну Земли? На эти и многие другие вопросы пытаются ответить писатели и представители общественности Советского Союза и Федеративной Республики Германии в «Книге мира» — первой части двухтомника «Европа на пороге III тысячелетия», подготовленной Советским комитетом за европейскую безопасность и сотрудничество и Рейнско-Вестфальским иностранным обществом в Дортмунде (ФРГ). Это издание — их общий вклад в выполнение рекомендаций Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975). Книга вышла одновременно на русском и немецком языках.

Чингиз Айтматов, киргизский советский писатель, в статье «Разум в ядерной осаде» считает, что гонимое оружие человека в любых ситуациях — его разум. В бесконечном познании мира, в преобразовании и приспособлении бытия к бесконечным потребностям человека разум всемогущ и неистощим. Его творческие ресурсы могут быть приравнены разве что к энергетическим ресурсам Солнца. Писатель напоминает изречение Достоевского: «Красота спасет мир» — и добавляет, что последнее слово всё же за разумом.

...Раздел «Ответственность» открывается материалом «Нужен новый этап в политике между Западом и Востоком». С этим текстом выступил в мае 1985 года в Нюрнберге лауреат Нобелевской премии мира Вилли Брандт. Он отмечает, что европейская история не завершилась рукопожатием, которым американцы и русские приветствовали друг друга на Эльбе. Автор говорит о необходимости ослабить напряженность там,

где это возможно, о том, что уже давно пора направить энергию бессмысленной гонки вооружений на гуманные цели. «Наша задача — совместными усилиями пробудить культурное самосознание Европы. А это возможно только путем оживленного обмена между Востоком и Западом. Мы должны способствовать всему, что идет на пользу двустороннему обмену информацией европейских народов на Востоке и Западе. Мы создаем свою ответственность. Мы хотим предотвратить многократное повторение ужасов лагерей уничтожения и не допустить того, чтобы мир стал на путь самоуничтожения», — заключает Вилли Брандт.

Внимание читателя привлекает своеобразная стилистическая структура книги. Публицистика и отрывки из художественных произведений советских и западногерманских авторов чередуются с многоисленными высказываниями видных общественных и государственных деятелей, ученых разных стран мира. Среди них — нобелевские лауреаты Джон Голсуорси (Великобритания) и Михаил Шолохов (СССР), лауреаты международных Ленинских премий Эрве Базен (Франция) и Джеймс Олдридж (Великобритания), член-корреспондент Академии наук СССР Василий Емельянов и американская поэтесса Дениз Левертон, писатели Герман Кант (ГДР) и Камилло Хосе Села (Испания). Четыре взаимосвязанных между собой раздела — «Не опоздать!», «Горькая память», «Ответственность» и «Диалог» — составляют эту необычную «Книгу мира». И каждый ее раздел побуждает читателя думать, анализировать, принимать активную жизненную позицию в борьбе за сохранение жизни на Земле. В этом, безусловно, одно из основных ее достоинств.

«Книга мира» — плод совместного труда советских и западногерманских авторов — по праву служит благородным целям укрепления дружбы и взаимопонимания между народами, выступает в защиту мира, природы и человека всей Земли.

Олег ГУРАШ

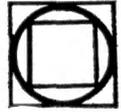
В столичном аэропорту «Шереметьево» приземлился необычный самолет. На нем не было никаких национальных знаков различия. На фюзеляже этого DC-9 была только крупная надпись «Орбис», а на хвостовом оперении — символ: человеческий глаз, поддерживаемый и защищаемый ладонями. Так впервые в СССР, в Москву, прибыла летающая клиника со сменными экипажами из ведущих офтальмологов США, Бельгии, Голландии, Франции, Великобритании, Японии и других стран. В Москву «Орбис» прибыл для участия в международном научно-практическом семинаре на базе межотраслевого научно-технического комплекса (МНТК) «Микрохирургия глаза», возглавляемого профессором Святославом Федоровым.

Удивительная атмосфера доброжелательности как бы окружала и сам самолет, стоявший среди пассажирских лайнеров, и наполняла все его отсеки — от кабины пилотов, через лекционный зал, до стерильной белизны операционной. Один из врачей — ведущий специалист из США по катаракте доктор У. Симко — с восторгом рассказывал мне, что, побывав у советских офтальмологов, он обнаружил практически одинаковое с американским оборудование, но во многом различные методы проведения операций, порой более прогрессивные; что весь коллектив «Орбиса» сердечно благодарит Михаи-

ла Горбачева, Министерство здравоохранения и профессора Федорова за то, что им разрешили прилететь в СССР, научиться у советских специалистов их методам ведения операций и передать свой опыт. Он сказал, что такие визиты должны стать регулярными и обоюдными, что совместными усилиями врачи не только смогут помочь сотням и тысячам больных в самых отдаленных уголках планеты, но и смогут лучше узнать друг друга, научить разные народы дружить между собой и жить в мире.

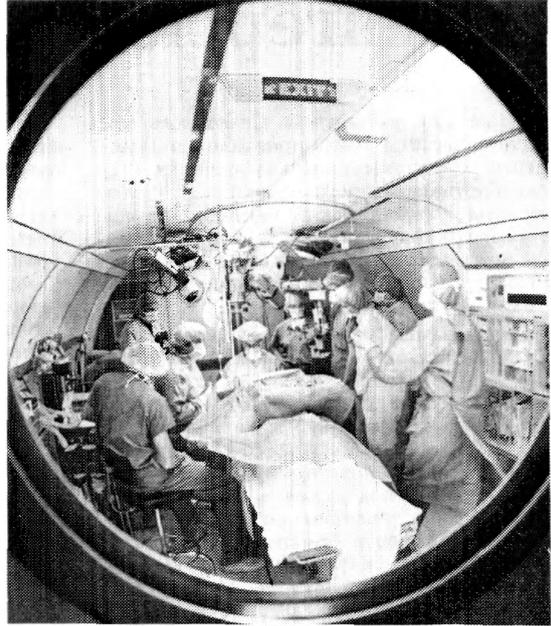
Первым пациентом летающей клиники был пожилой москвич А. Ставцев. Его оперировал доктор Симко из США, ассистировал сотрудник МНТК Н. Пивоваров. Операция, транслировавшаяся прямо в лекционный зал, прошла прекрасно. Только больной посетовал: «Хрусталик-то мне вшили американский, а через полгода предстоит его менять и на втором глазу. Вот и думаю, прилетят ли к тому времени эти крылатые хирурги...» Тут подошел профессор Федоров и довольно строго сказал: «А второй хрусталик будет советский, он не хуже заграничного. Так что вы станете живым символом нашего сотрудничества. Чем плохо?»

*Текст и фото
Алексея БОЙЦОВА*

ЛЕТАЮЩАЯ КЛИНИКА

На снимках: «Орбис» в московском аэропорту «Шереметьево-1»; операция на борту «Орбиса»; перед началом операции профессор С. Федоров и доктор У. Симко из США.

У венгерских друзей

Делегация активистов Советского комитета защиты мира приехала в Будапешт, когда там работала осенняя сессия Государственного собрания ВНР. Хотя советско-венгерский семинар, на который мы прибыли, был посвящен обмену опытом совместных акций в антивоенном движении, разговор то и дело переходил на ситуацию в стране.

Люди не выключали телевизоры и радиоприемники — шла трансляция дебатов по правительственной программе экономической и социальной стабилизации на период до 1990 года и новой налоговой реформе. Генеральный секретарь Всевенгерского совета мира (ВСМ) Миклош Барабаш подчеркивал, что надо учитывать общественно-экономический и политический фон в стране. «Наше движение за мир, — сказал он, — действует не на пустом месте. Мы — органическая часть венгерской современности и вносим посильный вклад в решение национальных целей».

Схожие проблемы социально-экономического развития в связи с перестройкой стоят и перед советским обществом, а значит, и перед нашим антивоенным движением. Тем интереснее было обсудить их с венгерскими товарищами.

— Особое внимание, — говорит М. Барабаш, — нужно уделять вопросам гласности, широкого информирования венгерской общественности о состоянии дел в стране. Последнее время в венгерском движении за мир произошли значительные изменения. Если раньше в нашей работе мы отдавали приоритет международным аспектам, то сейчас акцент сместился на то, что происходит у нас дома. Ведь ничего не стоит самое красивое по формулировке международное соглашение или выступление, если за ним нет работы с общественным мнением внутри страны. Такая работа должна быть основой любой нашей международной инициативы.

То, что функция внутренней политики вышла на первый план, — продолжает генеральный секретарь, — привело к нескольким результатам. Прежде всего — мы стараемся стать настоящим движением. Что это значит? Нужно различать организацию и движение. Мы не организуем. У нас нет индивидуального членства, в нашем движении участвуют различные общественные организации, местные группы движения за мир, которые свои акции проводят самостоятельно. Наш Совет мира имеет лишь координационную роль, то есть мы даем только общее направление работы, а вот как она осуществляется на местах — это уже зависит от людей и условий на местах. У нас нет общих рецептов. То, что хорошо в одном месте, не действует в другом. Хотя мы и маленькая страна, но у нас могут быть различные формы и условия работы.

Добровольность — также принцип нашего движения. Мы приглашаем к себе только тех людей, кто работает с удовольствием, кто хочет сделать что-нибудь важное в интересах мира. Мы ставим в центр нашей работы личность каждого человека. Движение за мир в Венгрии должно быть настоящим гуманистическим движением. Люди часто говорят нам: «Что мы можем сделать — один человек, или маленькая группа, или город, или хотя бы вся страна, если по действительно важным вопросам решения принимают другие?» Мы отвечаем, что это не так, что от всех нас зависит будущее, все должны иметь возможность высказаться и быть услышанными. К сожалению, в нашей работе еще существует формализм, есть элементы бюрократизма. От этого нужно избавляться как можно скорее.

Много внимания венгерские коллеги уделяют отношениям с СКЗМ.

— У нас, — говорит Барабаш, — есть традиционные формы работы: обмен де-

легациями, участие в международных встречах и форумах. Но нужна децентрализация наших связей. Советского человека, советский образ мышления мы стараемся приблизить к нам, венграм, стараемся укрепить личные контакты. Мы не хотим, чтобы люди судили о Советском Союзе только по газетным передовицам. Наши отношения в антивоенном движении должны быть сродни семейным, когда можно запросто поделиться со своими радостями и бедами. Из этого же и состоит жизнь.

Много внимания венгерские сторонники мира уделяют сегодня работе с молодежью. Атила Хеде, уполномоченный рабочей комиссии мира и дружбы области Дьер-Шопрон, рассказывает:

— Маленьким народам, если они озбочены своим будущим, в первую очередь нужно думать о молодом поколении. Молодежное движение за мир в более организованной форме началось в Венгрии не так давно. В нашей области первый клуб мира был создан в 401-й средней школе в 1984 году. Теперь подобных клубов более тридцати. Причем, наши клубы мира объединяют не только школьников и студентов, но педагогов и работников здравоохранения. Не могу сказать, что всегда легко вести эту работу. У нас нет Фонда мира, и когда мы хотим организовать какое-либо мероприятие, то возникают материальные трудности. Поэтому мы стараемся организовать такие мероприятия, которые не требуют больших денежных затрат. Наш комсомол последнее время теряет популярность. Его руководство осознало это и сейчас старается находить новые формы работы с молодежью. А то начали было жаловаться, что мы, то есть клубы мира, «сманиваем» к себе всю молодежь. Но ведь мы хотим вовлечь ее в работу за мир. А потом, люди идут туда, где им интереснее, где они с пользой для себя и окружающих могут приложить свои силы. Наше движение добровольное: ребята сами решают, кого приглашать на встречи, какой тематикой заниматься. Эта самостоятельность и «заманивает»...

Недавно, продолжает Атила, мы впервые провели лагерь патриотического воспитания и убедились, что молодежь всерьез интересуется историей, связями с другими народами. Институт марксизма-ленинизма прислал к нам лектора. Тот сначала оробел от острых вопросов, которые касались тех моментов нашей истории, которые до сих пор обходились стороной. Но потом он даже отказался от гонорара, так как сказал, что получил большое удовольствие от откровенного разговора с ребятами. Мы бы хотели в будущем проводить уже международные молодежные встречи такого же рода.

ВСМ выпускает несколько изданий. Официальный орган Совета мира — ежемесячный журнал «Панорама движения за мир». Для молодежи издается журнал «Зеркало мира». Шесть раз в год выходят «Новости мира». Выпускается также дважды в год научный журнал «Развитие и мир», очень популярный среди ученых и специалистов.

Кальман Шош, секретарь информационной комиссии и редактор «Панорамы мира», вместе с Андрошом Вархети, редактором журнала «Зеркало мира», подробно рассказали нам об издательской деятельности ВСМ. Затронуты были и некоторые острые вопросы в сегодняшнем антивоенном движении Венгрии; в частности, о том, почему некоторые молодые люди отказываются служить в армии.

— У нас это называется «отказ от службы в армии по причинам совести», — говорит Кальман, — и касается в основном верующих. К сожалению, мы только недавно начали заниматься этим вопросом. Поэтому четкой точки зрения еще не выработали. Правда, и масштабы отказа от службы в армии небольшие.

Поездки по одной из красивейших стран Европы, разговоры с ее доброжелательными и миролюбивыми жителями на многое открыли глаза, мы стали лучше понимать друг друга.

Владимир БОГДАНОВ,
наш спецкор,
Будапешт — Москва.

Логика конфронтации

«Американский зверский образ жизни»

Редакции бюллетеня «Век XX и мир», Владимиру Любомудрову и Дмитрию Лесному — авторам статьи «Казачи в Техасе» [№ 8/87].

Хочу высказать свое мнение по ряду вопросов, затронутых в статье.

1. Сравнить «Рэмбо», «Америка» и т. п. с нашими фильмами «Одинокое плавание», «Крик дельфина», «Рейс 222» — сравнивать слона и муху. Все

наши фильмы смотрело очень ограниченное количество людей даже в нашей стране. В США — это боевики. Это боевики и в других странах. Идеологическое воздействие американских фильмов огромно. А поэтому и образ советского врага значителен.

Кстати сказать, мы, которых авторы ставят на одну доску с создателями образа врага, показываем фильмов США в тысячи раз больше, чем в США

ОТ РЕДАКЦИИ. Высказывания советского гражданина (ветерана войны) о Соединенных Штатах и высказывания американского гражданина (сенатора) о Советском Союзе — полярные, непримиримые... Однако, сведенные вместе, они, как ни парадоксально, наталкивают на размышления о необходимости спокойного, цивилизованного диалога, отрешения от трафаретов «образа врага». Они же послужили поводом для более широких обобщений в публикуемой следом статье обозревателя-международника Владимира РУБЦОВА.

«Акты советской агрессии»

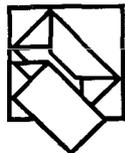
СЕНАТОР ХОУЭЛЛ ХЕФФЛИН (АЛАБАМА, США)
ОБ АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

1 Что Вы думаете относительно нынешних целей Советского Союза? Изменились ли они со сталинских времен?

Я считаю, что еще со времен Ленина Советский Союз шел путем глобального экспансионизма и не удоволь-

ствуется ничем, кроме мирового господства. Мои выводы опираются на длительную историю жестоких и вопиющих актов советской агрессии, включая советское вторжение в Афганистан в 1979 году, ввод войск в Чехословакию в 1968 году, незаконную оккупацию Восточной Германии после второй мировой войны, советскую оккупацию Польши и советское присутствие в Никарагуа, Анголе и на Кубе. Ничто меня не убеждает в изменении советских

Интервью с сенатором провел по нашей просьбе американский писатель Джей Хиггинботам, задавший ему ряд своих вопросов.

показывают наши. У нас фильмы США смотрят миллионы. В США наши — единицы. Наши фильмы там не пускаются в прокат, так как, мол, прокат частный и частники не берут наши фильмы. Есть еще много разных условий. Поэтому ставить на одну доску нас и США в создании образа врага — это заведомая ложь.

2. Мы делаем все, чтобы пробить «железный занавес» и ознакомить нас и граждан США друг о друге. Как я пишу выше, мы в тысячу раз больше показываем фильмов США, чем они — наши; наша аудитория смотрящих фильмы США в миллионы раз больше. Мы печатаем американских современных писателей, публицистов в тысячи раз больше, чем в США наших. То есть мы рассказываем о США их же фильмами, их же книгами и статьями. Они о нас — только своими фильмами, своими книгами.

Как же можно ставить на одну доску нас и США?

3. Безработица, бездомные — это страшно! Самая богатая страна мира! Более того, активно, не в пример нам, пропагандирующая свой античеловеческий американский образ жизни. Почему же нам об этом не говорить? Надо кричать, надо вопить о страшном порождении этого образа жизни: безработице и бездомных, которые гибнут ежедневно, ежечасно на улицах страны. Почему журнал выдает это как мерзость с нашей стороны? Если США пропагандируют свой образ жизни как эталон, навязывают его силой оружия, то нам не сметь показывать его пороки? Превратиться в рупор американского зверского образа жизни? Неужели нас не должны трогать муки, отчаяние безработных и бездомных? А русские всегда отличались состраданиями.

целей. Я считаю, кроме того, что Соединенные Штаты и их союзники должны быть готовы предпринять все необходимые меры, чтобы не дать советскому влиянию распространиться, особенно в западном полушарии.

2 В какой мере, на Ваш взгляд, Советские связаны с международной террористической деятельностью?

Несмотря на хладнокровный расстрел в воздухе южнокорейского авиалайнера, следовавшего рейсом 007 в 1983 году, и на некоторые факты, свидетельствующие о возможном участии в покушении на жизнь Папы Римского в 1981 году, не похоже, что Советский Союз непосредственно вовлечен в международный терроризм. Советскому Союзу скорее можно вменить в вину как оказание помощи и поддержки Ливии, Сирии и другим странам, известным своей благосклонностью к терроризму, так и нежелание участвовать в усилиях цивилизованного мира по активной борьбе с терроризмом. Отсюда следу-

ет вывод, что хотя Советский Союз формально, возможно, и не связан с международным терроризмом, он несет свою долю ответственности за его существование, ибо вспышки террористической деятельности стали возможны благодаря советскому оружию, советской разведывательной помощи и советскому отказу от активной борьбы против такого попрания законов природы.

3 Что Вы скажете в ответ на советское обвинение, что стратегическая оборонная инициатива (СОИ) является в той же мере наступательным, сколь и оборонительным оружием?

Советский Союз сделал немало ложных заявлений и обвинений насчет наступательных возможностей СОИ. Я думаю, что это составная часть кампании по дискредитации данной оборонительной программы, дабы вызвать споры и сомнения среди граждан Соединенных Штатов.

ем. Состраданием даже к преступникам. У нас никогда не вывешивались плакаты с указанием награды за выдачу или сообщение о преступнике. **Никогда.** А США, другие страны пестрят подобными объявлениями. В Сибири беглые в любом городе, селе, деревне могли подойти и взять около окна, калитки заранее положенные для них хлеб, еду, махорку ночью, когда все спят, то есть выразалось открытое сочувствие к несчастным. И вот теперь вы советуете нам не писать, не говорить о таком страшном деле, как безработица, бездомные. У вас нет самого человеческого — сострадания, а оно есть даже у животных.

Поговорите с людьми старшего возраста, которые пережили безработицу 20-х годов в нашей стране, — вы, если у вас есть хоть капля совести, хоть капля сострадания, придете в ужас от их рассказов. Каждый день — регистрация на бирже труда; не явился — вычеркнут, и надо становиться в очередь снова. Идти на биржу надо за 10—15 км пешком. Денег на трамвай, на поезд нет.

СОИ означает создание системы спутников в космосе, которая стала бы защитным зонтом против межконтинентальных баллистических ракет, могущих быть в какой-то момент запущенными на Соединенные Штаты некоей страной-агрессором. Чтобы исполнить зафиксированную в нашей конституции обязанность по «обеспечению совместной обороны... и гарантированию благ свободы для нас самих и наших потомков», мы должны в полном объеме использовать все возможности техники ради выполнения этой задачи. СОИ — это один из способов обеспечения совместной обороны граждан Соединенных Штатов и их союзников. Такая возможность, конечно, не должна игнорироваться. Ее следует изучить и использовать, если она окажется действенной и эффективной.

Снимали углы. Приходили порой не евши целый день, валились на солому в чем есть и спали, чтобы утром снова успеть на биржу, а после отметки рыскать по городу: не подвернется ли случайная работа, чтобы можно было поесть и заплатить за ночлег. Заметят за продажей семечек, индивидуальной трудовой деятельностью, и сразу снимают с очереди на бирже. Вот что такое безработица.

Не буду говорить об остальных страшных, постыдных, мерзких видах американского образа жизни.

4. Говорит о том, что простые люди всегда найдут общий язык, что им нечего делить — это аксиома. Она закреплена в лозунге пролетариата: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Но говорить об этом на равных об обществе США и нашем нельзя. У нас общество состоит из пролетариата, поэтому у нас все простые люди, нам незачем договариваться, находить общий язык с простыми людьми США через голову нашего правительства и нашей партии, с которыми мы едины, неразрывны.

4. **Есть ли существенное отличие между советским вторжением в Афганистан и американским вторжением в Гренаду?**

Во-первых, американское вторжение в Гренаду было прямым ответом на угрозу жизням американских граждан, обучавшихся в гренадских учебных заведениях. Кроме того, американская интервенция в Гренаде началась лишь по просьбе стран Карибского бассейна, расположенных по соседству с этим островом. Ее приветствовал народ Гренады, и она стала необходимой для того, чтобы противостоять и положить конец присутствию кубинских войск, угрожавших оказать помощь в установлении диктатуры над свободным народом Гренады. В этой интервенции был занят сравнительно небольшой контингент войск, который, за исключением

В США же у власти господствующие, не пролетарские классы. Вот через их голову мы и должны договариваться с простыми людьми США.

5. К создателям фильма. Я думаю, не следует показывать ни взрыва, ни гибели лошадей.

Идея фильма — показать, что все простые люди — братья, им нечего делить, они могут жить в мире. И вдруг в конце эта тема меняется и показывается «рыжий остров», «зрелище невероятное, никем не виданное!» Так ради чего же задуман фильм? Ради идеи братства простого народа или ради показа зрелища невероятного, которое при этом весьма подрывает саму идею братства: мол, вот попытались, вернее, нашли общий язык, но небесные силы, которые управляют нами, все поставили на свои места и все братство, взаимопонимание рассыпалось в прах, рок сильнее всего. В США любяты хэппи энд. В этом одна из привлекательнейшей американских фильмов. Так пусть же будет хэппи энд! Счастливое расставание наших казаков-буденновцев и американских ковбоев. А

погибающее «желтое пятно» можно показать в другом фильме.

6. Права человека в США — это фикция, которая была, есть и будет, пока там господствует империализм. Подлинные права человека были, есть и, надеюсь, будут только в странах социализма. В тюрьмах США пересидели все члены ЦК КП США, больше всего сидят негры, неграмотных больше среди негров и цветных, «боев» больше всего среди негров и цветных. Женщины не имеют равных прав с мужчинами в политической жизни, они получают за одинаковую работу меньше мужчин, в личной жизни их роль законодательно закреплена ниже мужчины, который может даже избивать жену, в том числе палкой, но не толще определенного размера (снова фарисейство). Недаром все это представители США хотят подменить болтовней об определенном человеке, то есть говорить о правах одного человека, но не миллионов.

Иннокентий УВАРОВСКИЙ,
ветеран войны.

примерно 280 советников, покинул остров в течение двух месяцев после начала вторжения.

Советское вторжение в Афганистан, в отличие от этого, было ничем не спровоцированным и включало сотысячный контингент советских войск. Советская оккупация Афганистана затянулась почти на восемь лет, не была одобрена большинством афганцев и привела к гибели многих тысяч афганских мужчин, женщин и детей. Она способствовала установлению диктатуры над народом Афганистана. Советский Союз к тому же применил разнообразные мины-ловушки, цель которых — убивать и калечить мужчин, женщин и детей.

Несмотря на предполагавшийся год назад вывод войск, советское присутствие в Афганистане по-прежнему остается явным и мощным. Продолжение

советской оккупации Афганистана — очевидный пример экспансионистских целей, которые ставятся Кремлем последние несколько десятилетий. Правление диктатуры и гнета, утверждению которого в Афганистане помог Советский Союз, указывает и на гнет, который существует в России со времен большевистской революции. Жесткое и бесчеловечное оружие, которым пользуются для порабощения афганского народа, весьма напоминает методы и оружие, применяемые сторонниками международного терроризма. И, наконец, факт захвата Афганистана Советским Союзом стал главной причиной для разработки Америкой систем, вроде стратегической оборонной инициативы, помогающих защите священной свободы американского народа и свободных народов всего мира.

Логика конфронтации и новые подходы

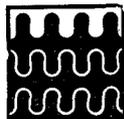
Владимир РУБЦОВ

Есть у меня один знакомый, который, рассуждая о запутанных проблемах, любит соглашаться с собеседником: Да, действительно, все не так просто. И добавляет: Все гораздо проще. И чем дальше, тем больше я склонен соглашаться с ним. Чем дальше, тем больше мне кажется, что многие проблемы современного мира, заведшие нас в тупик, существуют прежде всего в наших головах. Чтобы выйти из тупика в жизни, надо сначала преодолеть тупики в нашем сознании. Ведь хотя наше сознание и отражает действительность, оно делает это по-разному: бывает, что отражает хорошо, но бывает, что из рук вон плохо. Мешает и то, что нам кажется, будто короткое замыкание может случиться лишь в голове соседа, но никогда в нашей собственной. Склонны мы и к самолюбованию, к самооправданию и самопрощению. Не обязательно в личном плане. Сам по себе отдельный человек может быть очень самокритичен, но его индивидуальное сознание дает сбой, когда он ощущает себя маленькой частицей огромной массы людей, ничтожной долькой большого целого, сверчком, которому лучше не высовываться за пределы предписанного шестка. Ошибаться лучше сообща. Легче признавать общую ошибку. Ошибки массового сознания в наше время отчетливо видны на «образе врага», которого американцы видят в Советском Союзе, а наши соотечественники — в империализме США.

Массовое сознание — не обязательно сумма индивидуальных сознаний. Как из массы мышей не сделать одного слона, так и из отдельных сознаний не слепить одного общего, массового. Оно не лепится само собой, его лепят идеологи, и оно приобретает более или менее убедительные и самостоятельные черты, начинает жить своей жизнью, пользоваться влиянием. Получается так, что при встрече любого из американцев с любым из советских граждан — если тот и другой психически и умственно здоровы, — они вполне могут понять друг друга и поладить, а вкупе с соотечественниками сразу становятся воплощением зла и внешней угрозой.. Здесь явно что-то не так. Абсурдность такого положения стала особенно заметной, когда обострилась перспектива взаимного ядерного уничтожения.

Тут-то и оказалось, что сформировавшийся с двух сторон «образ врага», хотя и не так прост, значительно упрощается, если не доводить вражду до абсурда. Массовое сознание выдвинуло идею «народной дипломатии» — широкого общения простых людей друг с другом, которое дает шанс убедиться в возможности понять друг друга и поладить.

Дело несколько осложняется в тех случаях, когда собеседники подключают воспоминания о прошлом, окрашенные в контрастные идеологические тона. Наш исторический опыт в этом смысле достаточно суров. Он вроде бы неопро-

вержимо доказывает, что со стороны империализма социализму ничего хорошего ждать не приходится. Ему надо либо побеждать, либо гибнуть, и тогда все прошлые жертвы народа окажутся напрасными, а общественное развитие будет отброшено к предыдущему этапу истории. Отсюда идея всеми силами сопротивляться проискам империализма, который не останавливается ни перед чем, чтобы сохранить свое существование, не дав утвердиться на земле более справедливому общественному устройству. О том, что речь идет именно о справедливости свидетельствует массовая безработица в развитых капиталистических странах, нищета и нарастание всевозможных проблем в освободившихся от колониального ига странах, ныне попавших в лапы неокOLONиализма.

Сталкиваясь с таким направлением наших мыслей, противники «империи зла» на Западе в свою очередь находят оправдание гонке вооружений и насильственным методам подавления оппозиции в сфере своего влияния, каковой они

считают весь несоциалистический мир. Такая демонстрация силы и насилия лишь укрепляет нас в сознании правоты своего мировоззрения, делает суждения о наших оппонентах более категоричными и поселает сомнения в возможности действительно мирного сосуществования. Не потому, что мы этого не хотим, а потому что наши противники почему-то не могут на него пойти. Такая логика конфронтации неизбежно приводит обе стороны к тупику в сознании, который чреват катастрофическими последствиями для всей жизни на Земле.

«Образы врага»

Логика конфронтации получается вроде бы железной и питается вроде бы несокрушимыми аргументами, хотя и вывод о том, что ни одному народу в мире не хочется умирать, столь же несокрушим и очевиден. Он питает логику мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества, имеющего массы сторонников по обе стороны конфронтационного барьера. Автоматически поменять одну логику на другую не удастся. Нужно чтобы что-то пе-

«Образы друга»

Рисунки из западногерманского студенческого журнала славистов «Творянин»

ретряхнулось в головах, чтобы возникло то самое новое мышление, о котором многие мечтают. Такая мечта неосуществима без напряженной работы мысли каждого. Без осмысления той самой враждебной аргументации, которая кажется несокрушимой во всем, кроме бесчеловечного вывода о предопределенности конца света. Универсальны ли ее теоретические посылки и откуда они взялись? Неуязвима ли методология мышления, ведущая мыслителя к выводу о неизбежности самоубийства? И кто были эти мыслители?

Первая же догадка ведет к заключению, что адепты конфронтации по обе стороны барьера явно должны иметь собственных теоретиков-мыслителей, не разделяющих взгляда на единство мира, но делающих упор на борьбу имеющихся в нем противоположностей. Что же это за противоположности, каждой из которых непременно надо физически раздаться с оппонентом, чтобы выжить самой? Рабы и рабовладельцы, крепостные и крепостники, рабочие и капиталисты, а ныне в глобальном масштабе — социализм и капитализм? Но ведь из рабовладения вырос феодализм, из феодализма — капитализм. И если социализм зарождается в недрах капитализма, а его последняя стадия, империализм, представляет собой уже такое общество, внутри которого к социализму промежуточных ступеней нет, то что же мешает современному империализму поладить с тем социализмом, который 70 лет развивался вне империализма, на собственной основе? Может быть, в недрах современного империализма не состояло то широкое и всестороннее фактическое обобществление производства, которое предсказывали основоположники теории научного социализма и которое констатировал В. И. Ленин, дав в 1916 году итоговую картину состояния мирового капиталистического хозяйства?

Нет, ни из марксизма-ленинизма как теории, ни из практики первого десятилетия строительства социализма в нашей стране, ни вообще из диалектико-материалистического метода мышления не вытекала та железно-конфронтационная логика, которая на нашей стороне нынешнего барьера стала одним из

тормозов нового мышления как в перестройке хозяйственного механизма, так и в дальнейшем развитии гласности, в переходе от демократии для трудящихся в демократию через самих трудящихся. Из чего она выросла и чем подкреплялась, это можно установить во всей полноте лишь кропотливой работой обществоведов, тех представителей исторических наук, которые не мирятся с туниками сознания, с разрывом между словом и делом, чувством и мыслью с неправдой и полуправдой. Не будет ничего удивительного, если в результате идущего ныне процесса самоочищения советского общества новое мышление окажется тем хорошо забытым старым, которым прежде обладали лучшие умы человечества, но «развитом» до абсурда вульгаризаторами переловой теории общественного развития. Такое бывало и на предыдущих этапах человеческой истории, что всегда объяснялось не субъективными, а объективными моментами — уровнем самого общества, оказавшегося вынужденным срочно догонять другие страны в экономическом и культурном отношении.

Лишь разобравшись с самими собой, с тем, что собой представляем на данном этапе «мы», нам лучше удастся понять, чем стали к настоящему времени «они». По идее, если они, согласно нашей теории, не должны были стоять на месте, а объективно накапливали в своем обществе компоненты того, что должно уже принадлежать более высокой организации общества, нежели капитализм, то могут ли они быть настолько большой противоположностью нам, чтобы оправдывать идею борьбы не на жизнь, а на смерть? Более высокая производительность труда и более рациональная организация производства, меньший бюрократизм и меньшие затраты на управление, более высокий уровень организации научно-исследовательских работ и почти автоматическое обновление технического инструментария в науке, промышленности, сельском хозяйстве, управлении, средствах транспорта и связи и т. д. и т. п. — ведь все это не помеха для социализма, а материальная база благосостояния, социальной справедливости. Совершенный аппарат учета и контроля, каковым являются бан-

ки, превратившиеся во всемирную сеть, напоминающую сообщающиеся сосуды, — разве этот аппарат, как бы воплощающий нервную систему мировой экономики, не рассматривался основоположниками научной теории социализма как нечто, что будет воспринято социализмом от капитализма без изменений? А дешевые цены товаров, преодолевающие все «китайские стены» и «ненависть варваров к иностранцам», — разве не они в конечном итоге служат свидетельством международного разделения труда, интеграции национальных экономик в единую систему мирового хозяйства? Разве эта перспектива когда-нибудь пугала сторонников социалистического устройства общества? Напротив, именно ее неизбежность внушала оптимизм авторам «Коммунистического манифеста» еще в середине прошлого века.

Нам есть о чем поразмыслить на нашей стороне конфронтационного барьера. Перестройка и гласность помогут нам не только понять свободный, независимый ход мысли основоположников научной теории социализма, вдохновлявшихся идеями международного братства людей труда, социальной справедливости, осознать раскованней и глубже современный мир, — но и приблизиться к пониманию того, что мешает нашим оппонентам отказаться от взгляда на нас как на «империю зла», как на оправдание для бессмысленных и непомерных расходов на вооружения. Многим нашим соотечественникам не без оснований кажется, что наши прошлые и нынешние несовершенства — лишь удобный предлог для наших оппонентов, чтобы сохранять напряженность в мире, что не будь нас, они непременно сочинили бы другого «козла отпущения» с аналогичным набором черт в «образе врага». По этой причине многих адептов конфронтации пугают наша гласность и перестройка.

Так или иначе нам надо лучше знать друг друга. Тогда легче будет постараться себя на место другого с его трудностями и особенностями психологии и попытаться представить свое поведение в той или иной обстановке. Если решить что мы не полная противоположность друг другу, то окажется, что не

всякий успех оппонента — основание для настороженности и не всякая неудача — повод для радости. То, что служит благом людей, всегда будет ими замечено и одобрено. То, что вредит им, рано или поздно будет ими осуждено и отвергнуто. В этом отношении и американцы, и советские граждане, и все другие народы — не противоположны друг другу. Их положительный опыт решения своих проблем — общее богатство. Им можно пользоваться или не пользоваться, оставляя право решения за каждым народом. Опыт отцов не следует игнорировать детям. Новые обстоятельства, в которых оказались повзрослевшие дети, состарившимся родителям бесполезно порицать. Всякий опыт требует обновления.

Смена социально-экономических формаций одна другой означает не тотальное отрицание того, что накоплено предыдущим человеческим опытом, а восприятие всего ценного из предыдущих эпох. Только так создается мировая культура, вбирающая в себя опыт всех народов и эпох. В этом смысле общечеловеческая культура всегда приоритетней и выше, чем культура одного класса, если этот класс, будучи даже самым передовым в конкретно-исторический период не впитал в себя всего ценного в истории, что было накоплено до него.

В этом смысле непреходящую историческую ценность для нас должны иметь дискуссии в среде российских марксистов, которые предшествовали созданию в нашей стране революционной рабочей партии и становлению ее мировоззрения. Тогда, в конце XIX века, речь шла о том, привносится ли передовое революционное сознание в рабочий класс извне или же оно вырабатывается рабочими самостоятельно.

По существу, речь шла о взаимоотношениях между интеллигенцией и рабочими, о том, чьими усилиями вырабатывается научная теория общественно-го развития и как она становится могучей материальной силой, овладевая сознанием масс. В те времена вопрос о приоритете общечеловеческого перед узкоклассовым даже не ставился, он подразумевался. А передовая научная теория рабочего класса как раз потому

и была передовой и научной, что именно рабочий класс, в силу его положения в обществе, досконально изученного, мог возглавить переход общества к более высокой социально-экономической формации, лучше других выражая и воплощая в жизнь интересы всех трудящихся, при всех их классовых и социальных различиях.

Похоже, что и представление о необходимости классового подхода вырабатывалось в революционной партии рабочего класса не столько применительно к самому рабочему классу, сколько к партийной интеллигенции, прослоечный характер которой вынуждает ее прилагать усилия для ориентации в политической борьбе. Классы стихийно вырабатывают представления о собственных интересах. Сознание представителя любого класса сопротивляется, когда ему навязывают представление о его интересах, не совпадающее с его собственным. Обвинять его в несознательности — неблагодарное и бесполезное дело.

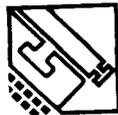
Политические представители класса лишь тогда могут отстаивать интересы своего класса, когда имеют верное представление о них, однако они отстаивают эти интересы в политической борьбе. А чтобы эта борьба была для них более или менее успешной, они должны реально представлять себе интересы и силы и других классов, действующих на политической арене. Оценки, сделанные сегодня, завтра могут оказаться уже не соответствующими действительности, особенно в переломные моменты истории. Партии, оказавшиеся у власти, уже в силу этого самого обстоятельства вынуждены считаться с общечеловеческой (в пределах данного общества) точкой зрения, если хотят дольше и лучше служить интересам собственного класса.

Поскольку вопрос о соотношении общечеловеческого и классового в наше время принял форму мирного сосуществования либо силового противоборства двух общественных систем — социализма и капитализма в глобальном масштабе, то противопоставление классового общечеловеческому не только сохраняется, с точки зрения науки, черты нелепости, но и заводит спорщиков в пол-

ный тупик. Основатель нашего государства, будучи очень точным в словах, видел в **сожительстве** двух систем предпочтительную форму их общения между собой. Дерзну предположить, что слово «сожительство» ему правилось больше, чем «сосуществование». Видимо, потому, что само это слово полнокровней и теплей. Сосуществовать во вражде, безразличии и сотрудничестве могут все представители живого мира на Земле. Сожительствовать могут только близкие между собой виды.

В контексте мировой истории первобытное общество и рабовладельческое; рабовладельческое и феодальное; феодальное и капиталистическое; капиталистическое и социалистическое — соотносятся между собой как предки и потомки, как отцы и дети. Они не полная противоположность друг другу. Все они связаны между собой общечеловеческой цепью преемственности в передаче знаний и опыта от прошлого к будущему. В человеческой семье бывает всякое: как промотавшиеся отцы, так и блудные сыновья. Время от времени возникает и субъективно оправданное желание взаимных проклятий, отречений и даже рукотворного летального исхода.

К настоящему времени тот социализм, который отделился от капитализма 70 лет назад, приобрел нелегким путем ценный опыт, который отличает зрелого человека от нетерпеливого юнца, не знающего предела своих желаний и силы. Но и тот капитализм, которого мы десятилетиями привыкли считать своей полной противоположностью, тоже накапливал жизненный опыт, сожительствуя с теми силами в своем организме, которые тянутся к обновлению. Часто это очень здоровые и полные энергии силы, на которых по швам разлезаются старые капиталистические одежды. Мы сильно позадержались с научным анализом объективно происходящих в мире перемен, отчего и потребовалось нам новое мышление. А новое только тогда прогрессивно, когда оно вырастает из опыта прошлого и обогащает его. Здоровым силам в мире опасна наша нынешняя перестройка.

Народный характер — время и нравы

Беседа с профессором
Масхудом ДЖУНУСОВЫМ,
Институт социологических исследований
АН СССР

— Когда речь заходит о корнях националистической психологии, нередко можно услышать пессимистический вздох: «Это понятие неподвластно разуму!» Подчас кажется, что националистические настроения возникают чуть не на пустом месте. Чем же объяснить такую их живучесть?

— Знаете, понятие человеческого эгоизма уже давно изучалось на уровне индивидуальном и классовом. А вот на национальном — почти нет. И тут действительно иногда хочется задать себе вопрос а можно ли вообще бороться с этой самой массовой формой эгоизма? Человек, только родившись, попадает в атмосферу определенного национального климата. И на тот свет провожают его по тем же народным канонам. Так может ли он тогда вообще понять мироощущение иноплеменника? Говорят чужая душа — потемки. Ну а душа другого народа? Здесь уж поистине ни зги не видеть. Значит, и оценить чужое чувство национального достоинства гораздо труднее, чем свое. Потому все мы куда быстрее замечаем когда к нашей нации кто-то относится с ноткой небрежения. Ну а проявлений своей национальной надменности, как правило, вообще почти не замечаем.

А национализм как раз с этого начинается. Ведь какое содержание стоит за этим понятием? Тут мы порой любим щедро наклеивать ярлыки направо и налево. Участник национально-освободительного движения — значит, обязательно националист, публицист, прославляющий достижения родной культуры историк, называющий прошлое своей страны героическим, — все они согласно такому «широкому» взгляду, националисты. Но как бы ни оберегали люди свою национальную независимость, как бы ни боготворили свой родной язык и нормы жизни, они от этого еще националистами не становятся. Любовь к своему народу еще не создает для этого почвы. Но я уверен: когда степень уважения к себе хоть на каплю перевешивает уважение к соседу, когда весы нашей объективности хоть чуть выведены из равновесия, начинает вырывать в душе то, что можно назвать скрытым, латентным национализмом, который сами-то мы пока еще не осознаем.

Конечно, никто не захочет признать себя националистом только потому, что, скажем, культура других народов не вызывает таких же сильных эмоциональных переживаний и раздумий, как родная. Но когда чужое не просто, не затрагивает чувств и сознания и способ восприятия жизни, характерный для другого народа, кажется несколько «вто-

росортным» по своему качеству,— значит, национализм уже начинает бродить в крови. И «раствор» этот становится все более насыщенным, потому что теперь он впитывает в себя не только подсознательно отобранные впечатления из окружающей жизни, но и вбирает тот густой националистический осадок, который оставлен прошлой, «мертвой» культурой народа. Капля за каплей — и националистическое мироощущение приобретает такую плотность, что человек уже сам не осознает, как, при соответствующей, конечно, напряженной обстановке, из гора его вырываются уже не человеческие слова, а самый что ни на есть ястребиный шовинистический клекот. И можно только пожалеть о тех, кто незаметно попал под власть псевдопатриотической мифологии. Человек сам тогда превращается в мифологического героя. Как Нарцисс, влюбленный в свое собственное отражение, он лишается способности видеть и чувствовать красоту вне своего лица. А лишенный способности воспринимать широту жизни рано или поздно жизнью же и наказывается за такую свою однобокость.

Но как преодолеть народам барьер непонимания? Кто из нас может искренне сказать, что общение с иноплеменником никогда не вызывало в нем пусть глубоко запрятанного, но все же чувства дискомфорта? Что ж, есть здесь свои психологические закономерности, которые нелегко преодолеть. Каждая национальная культура — это целое гнездо семиотических систем, где социальная информация закодирована особыми знаками, и информация эта пронизывает всю жизнь народа — ритуалы, нормы этикета и общения.

Конечно, в наши дни гораздо легче ознакомиться с такими символами чужой культуры. И вряд ли сегодня среди массы образованного населения найдется хоть один человек, который не согласился бы со старой японской мудростью: «Прежде чем ехать в другую страну, узнай, что там запрещено». Однако тут вопрос стоит гораздо глубже. Мы можем прекрасно разбираться в символах чужой культуры, но все же наши чувства так чутко откликаются на свои, родные символы, что это зачастую не позволяет нам

оградить себя от того, что я бы назвал доморощенной националистической философией. Вспомним хотя бы, как мы отличаемся по темпераменту. Оказывается, что, сидя за рулем, итальянцы дают звуковые сигналы в среднем на каждом километре пути, испанцы — каждые два километра, французы — раз за три километра, немцы, швейцарцы, австрийцы — один раз за 90 километров пути. А где есть разница в способах самовыражения людей, там массовое сознание само создает ряд стереотипизированных отрицательных обобщений. Можно вспомнить, как особая мягкость, которую проявляют в общении славянские народы, с точки зрения немецких норм воспринималась как излишняя «женственность», бесхарактерность. Отсюда шли выводы гитлеровских «ученых» о существовании «женственных» и «мужественных», то есть «призванных» управлять миром народов ..

Так что же нам соглашаться с самыми пессимистическими взглядами на возможность взаимопонимания людей, принадлежащих к разным культурам? Воспринимать скрытый национализм как закономерное свойство человеческой природы? И повторить вслед за американским ученым Шейфером, что «в настоящее время не существует интернациональных организаций или всемирных религий, которые могли бы быть реальной альтернативой национализму»?

Нет, думаю, понять и принять чужую культуру возможно, но только если сознательно в нее вживаться, а не «перелистывать» по верхам. И в этом смысле мы уже переходим к осознанной политике. Например, в Казахстане продумывают мероприятия, которые помогли бы заинтересовать здешнее русское население в изучении казахского языка, обычаев, литературы, и, наоборот, казахам — в изучении русской культуры. Работают над этим и в районах, населенных уйгурами и немцами. Но все это — еще первые шаги. Чтобы «вживаться» в культуру другого народа, нужна психологическая мотивация, нужно преодолеть влияние той мешанской почвы, на которой и расцветает национальный нарциссизм.

Тут есть одна очень глубокая пробле-

ма — дегуманизация, эрозия национальных ценностей, обмещанивание народной психологии под воздействием неизбежных «издержек урбанизма». Ощущение «чужого глаза», общинной совести, следящей за каждым твоим шагом в деревенской общине, уходит в небытие. В городе человек отвечает сам за себя, по своей мерке отбирает нравственные правила и жизненные навыки. Миллионы людей у нас сегодня, как и в десятках других стран, принадлежат к первому поколению горожан, и это сказалось на развитии нашей национальной культуры. От старой, деревенской нравственности люди ушли, а до новой пока так и не дотянулись. Еще совсем недавно никто и не задумывался: как соотносят юноши и девушки, только приехавшие из деревень и аулов, родительские, общинные представления о порядочности с городской «свободой»? А ведь попав в «цивилизированные» условия, они с простодушным наслаждением готовы посмеяться над принципиальностью патриархальных нравственных правил. Пусть многие старинные нормы и ценности действительно несовместимы с городской жизнью, но зачарованная «цивилизацией» молодежь может с таким пренебрежением их отбросить, что даст еще фору иному прожженному столичному цинику — даже элементарную порядочность выкинет вместе с «ветопшью»...

Да и некоторые сельские ценности — умелость, хозяйственность, домовитость — в городе уже как бы приобрели удешевленный знак «минус». Тысячи наших первых горожан потратили свою жизнь на то, чтобы свить свое новое гнездо, причем многие всю свою крестьянскую хитрецу пустили на поиски такой профессии, чтоб «не надрываться». Исследования в наших южных районах показали: тягу к интеллигентным, «чистым» профессиям испытывает только 70 процентов населения. Но разве каждый из «поклонников культуры» готов отдать ей всю душу? Главное — «гнездо», тишь, уют, благоденствие, непыльная работа, отдохновение от прошлых тягот. Вот на этой сонной почве и расцвели у нас самодовольство, самоуспокоенность, инертность мышления. Затронь личные интересы такого мещанина — и подни-

мется воль. А если обидчик другой национальности, узбек, латыш или удмурт, то и любому конфликту придается «межнациональный» оттенок. С обывательского стереотипизированного мышления нарциссизм и начинается. Но кто виноват, что у какого-нибудь нравственно незрелого москвича при одном упоминании о наших южных народах в воображении возникают центральный рынок и загорелая рука, протягивающая букетик гвоздик «всего за десятку»? Разве какой-то определенней народ, а не косная система экономических отношений, которая возвела спекуляцию чуть не в закономерность? Тут наш обыватель до сих пор щедро наделяет ярлыками и узбека, и еврея, и грузина. Как, скажем, и европейский, который, отдыхая в каком-нибудь азиатском столичном отеле, рассуждает о том, что попал в страну попрошаек, наркоманов и бездельников. Да с такой безразличностью рассуждает, будто его страна не участвовала в создании той мировой экономической системы, при которой древние азиатские города все больше превращались в притоны.

Словом, мещанство, разлагающее национальное сознание, это, на мой взгляд, не менее глобальная проблема, чем ядерная угроза или охрана окружающей среды. И если народы до сих пор с легкостью разделяют мир на «своих» и «чужих», то в первую очередь потому, что не разглядели еще в мещанстве своего врага номер один...

— Национальный нарциссизм — это, можно сказать, трехголовая змея. Отсечешь ту, которая питается сегодняшней действительностью, но еще останутся две, которые живут будущим и прошлым...

— Когда народ переживает период невиданного экономического и культурного подъема, когда он оказывается на стремительной современной жизни, в ее самом быстром и кипучем потоке, люди невольно меняют отношение к будущему: мол, сама судьба готовится к тому, чтобы поставить их страну в авангард исторического движения.

Посмотрите на «трафик» развития националистических настроений в Японии. В 1953 году 20 процентов опрошенных

японцев заявляли о превосходстве своей страны над другими государствами и 28 его отрицали. В 1968 году цифры эти составили соответственно 47 и 9 процентов. За пятнадцать лет число убежденных носителей националистических настроений возросло на 27 процентов!

Откуда же такой скачок? Тут можно заметить одно очень интересное явление. Резкий разрыв в экономическом развитии ряда стран, который наблюдается сегодня в мире, порождает различные, но очень весомые по своей общечеловеческой значимости национальные цели. Ну как тут не будешь считать свою страну «авангардом прогресса», если твой народ уже всерьез обсуждает проблемы промышленного освоения Луны, а где-нибудь в Чаде или Судане один учебник на десять школьников — недосягаемая еще мечта? Так возникает антагонизм национализма тех народов, которые, зачастую используя богатства других стран, могут поставить перед собой более высокие жизненные цели, и оборонительного национализма тех, кто не в состоянии даже как-то сгладить насущнейшие свои проблемы. И тут националисты обеих разновидностей начинают ощущать себя защитниками не только своих, но и общепланетарных ценностей. «Главная задача моего народа — будущее всей цивилизации!» И обе стороны уверены в своем мессианском предназначении: националист развитой страны — потому что прокладывает своей сказочной электроникой дорогу в неведомое. А националист развивающегося государства — потому что стремится сохранить основанные на старинном укладе нормы нравственности, без которых человеческая история может закончиться или ядерной бессмыслицей, или диктатурой бездуховности.

Но какие бы «общечеловеческие» лозунги и теории ни выдвигал современный националист, рано или поздно они все же сводятся к узким интересам одного народа, одного общества. Взять хотя бы концепцию транснационализма, объединения человечества вокруг «форпостов» научно-технического прогресса — крупнейших международных корпораций. Ведь все же сторонники ее говорят не о каких-то там абстрактных

«островах новой цивилизации», а в первую очередь об американских корпорациях. А потом даже если предположим, что будущее слияние народов в единую цивилизацию не будет обслуживать по сути дела чьи-то государственные интересы, возможно ли и тогда называть такой технократический путь к будущему подлинно человеческим? Да тысячу раз нет! Хотя бы потому, что в основу его принимаются лишь технические достижения развитых стран, а нравственный опыт, культура других народов как бы остаются за бортом.

Нет, мир тут должен выбирать другой путь. Может ли существовать единая человеческая цивилизация вне духовного прогресса? А духовность всегда конкретна. Она произрастает на почве конкретной национальности, тогда как научно-технический прогресс в принципе безлик, космополитичен. Потому-то очень велика опасность того, что процесс объединения народов пойдет бездуховным, безнравственным путем. Только при полном расцвете культуры всех народов мир будет способен так использовать близкую силу станков и компьютеров, чтобы приспособить ее к подлинным, духовным нуждам человека. Если же технико-экономическое объединение мира опередит духовное сближение людей, так мы и вообще останемся без души! Ведь нравственные устои народов, как покаяет жизнь, не так уж и трудно смети бульдозерами и экскаваторами...

Ну а «третья голова» национального нарциссизма действительно питается памятью. Существует понятие не только индивидуальной памяти, но и общественной, народной. Любой народ в символической форме вбирает и обобщает свое прошлое, делает акцент на тех духовных, нравственных достижениях отцов и дедов, которые помогают ему выстраивать свое отношение к будущему. Короле, народная память не передается автоматически, ее нельзя приравнять к обычной эстафетной палочке в спортивной игре — освещение прошлого может приобретать самые необычные оттенки, сужаться до самого «голодного минимума» или, наоборот, охватывать все новые пласты ушедшей действительности.

Теперь в связи с перестройкой многие

у нас стремятся по-новому, более широко взглянуть на прошлое, напомнить, например, о нравственных ценностях старой русской деревни — трудолюбии, понимании природы, взаимопомощи, ощущении четкой границы между добром и злом. После застойных лет людям хочется вспомнить о хозяине — мужике, труженике, умельце, который жил не по указке сверху, а пахал и сеял так, чтобы труд и ему приносил выгоду и был бы не в тягость природе. Иное ценят в прошлом те, кто связывает будущий расцвет личности у нас в первую очередь с экономическими и техническими преобразованиями. Главное для них — использовать те преимущества нашей системы, которые мы пока не пустили «в полный оборот». И символ народной памяти для них — скорее работник крупного треста нэповских времен с его хозяйственной самостоятельностью и творческой смелостью.

Так что же брать из прошлого? Нелегко ответить на этот вопрос. Существует такое понятие, как боль памяти. И, стремясь освободиться от этой боли, люди зачастую ищут в прошлом некую абсолютную нравственную ценность народного характера.

Но ведь если народ изначально мудр и духовен, кому отвечать за ошибки и драмы наших послереволюционных десятилетий? Тогда все легко взвалить на ограниченность и властолюбие отдельных руководителей, держать перед глазами только «личные дела» Берия, Ежова и прочих. Что ж, список конкретных виновников не может быть затерян или запрятан в дальний угол. Но можем ли мы объективно судить о прошлом, если не поставим вопрос об ответственности за него, о степени вины отдельного «среднего человека» и всего народа в целом?

Кто из нас не проходит сегодня без горечи мимо тех пустырей, где полвека назад стояли старые национальные храмы? Но разве идея их разрушения, как и сотни иных «лихих мер», определялась лишь политикой нескольких

руководителей и архитектурных групп? Нет, все мы тогда жадно спешили в царство «разумной гармонии», и всех нас тогда можно было назвать, используя выражение Владимира Хлебникова, бюджетянами. Мы рвались в будущее и срочно подгоняли под его образ всю нашу, еще такую патриархальную и неустроенную жизнь. Зданье этого будущего должно было воссиять на месте старинных порталов и арок, и мы, разрушая старое, горделиво возводили фантастические строения в причудливом конструктивистском стиле, всем своим обликом выражавшие эту всеобщую устремленность в мир ничем не ограниченной человеческой свободы... Словом, каково поколение, таково и его время. Без осознания каждым народом ответственности за свое прошлое мы все просто не можем двигаться вперед, к подлинному взаимопониманию. Лишь отказавшись от односторонних подходов, мы перестанем огульно чернить или обелять целые исторические эпохи, лишь тогда мы будем способны воспринять и осветить всю сложность и неоднозначность исторических событий и судеб. И тем самым избавим себя и от национального самоуничтожения, и от идеализации. А если человек даже во имя самого высокого жизненного идеала будет «подчищать пятна» в истории своего народа, то это уже патриотизм с изъяном, патриотизм на грани скрытого национализма.

Не могу не вспомнить тут знаменитые слова Михаила Лермонтова: «Люблю отчизну я, но странною любовью». Почему же «странною»? Я думаю, поэт хотел подчеркнуть, что любовь к своему народу и боль за его судьбу, горечь воспоминания о его прошлом — понятия неразрывные. Страшно выдержать такую боль в душе. Но именно она и должна уберечь и наш, и другие народы от самоуверенности, дешевого самолюбования и самоненятия, помочь им вырваться с корнем ростки национального нарциссизма.

Беседа провела Татьяна СНОПКОВА

О, ради бога, не считайте, что любить родину — значит ругать иностранцев и что я так именно думаю. Совсем я так не думаю...

Ф. М. Достоевский

Мы и заграница

Алексей ПАНКИН

Как мы воспринимаем себя в сравнении с заграницей, Западом и заграницу в сравнении с собой? Вопросы эти не кажутся мне отвлеченными, напротив, сегодня они имеют острейшее политическое звучание. От того, как они решаются в нашем обществе, какие существуют мнения, зависит немало — и выбор альтернатив поведения государства на мировой арене и даже во многом, насколько далеко советское общество готово пройти по пути демократизации.

В качестве отправного пункта для рассуждений на тему «Мы и заграница» мне бы хотелось взять проблему отношения к эмиграции и эмигрантам. Она лишь недавно стала достоянием гласности и нормального открытого обсуждения в прессе в отличие от годами бытовавших односторонних обличений. Особую актуальность дискуссиям придали демонстрация по советскому телевидению американского документального фильма о судьбах эмигрантов из СССР в США, а также все более частые сообщения о возвращении бывших советских граждан на Родину.

Казалось бы, точки зрения высказываются совершенно различные: впускать всех желающих, — говорят одни; не впускать никого, — требуют другие. Что же, спрашивается, их роднит? На мой взгляд, это резкая черта, которая проводится между «нами» и заграницей в подавляющем большинстве материалов прессы, и логически вытекающая

отсюда убежденность, что выезд из СССР на постоянное место жительства есть измена, предательство или, в лучшем случае, вина перед Родиной, которую желающим вернуться надо непременно заглаживать.

Далеко не случайно, что тема эмиграции, как явствует из дискуссий в печати, оказывается слитой с темой патриотизма, который очень многим людям не мыслится иначе, как в оттаивании от заграницы. В «Литературной газете» было опубликовано совершенно поразительное письмо москвички А. Русаковой: «Возвращение «заблудших овец» с Запада напоминает пережившим войну, как за самовольную отлучку солдат расстреливали, а бывших военнопленных отправляли в Сибирь. Разговоры о гуманизме, который-де обязывает нас принимать эмигрантов, грешат отчаянной фальшью. Понятие советского патриотизма не вяжется с хельсинкскими соглашениями, которые предусматривают свободу выбора родины... Думаю, что если внешнеполитические обстоятельства заставляют нас идти на определенные уступки Западу, то все-таки лучше ограничиться разрешением на выезд. Возвращение «инакомыслящих» наносит непоправимый вред привычной для советского человека системе моральных ценностей».

Письмо А. Русаковой — это явно крайняя, предельно заостренная точка зрения. Хотя, впрочем, недалеко от нее

по сути уходит и более умеренная Вера Ткаченко, статья которой в «Правде» «Родина дана нам один раз и до самой смерти» вызвала широкий резонанс у читателей. Она пишет: «Награда тебя непременно найдет, и это будет спокойное, гордое сознание, что не зря жил, не был лишним, бесполезным для Родины человеком, не лгал, и не предавал, что не был суетливым и жадным искателем сладкого куска за пределами твоей Отчизны, не подбирал крохи с чужого пиршественного стола и не дал повода своим соотечественникам с молчаливым презрением отнести тебя, выражаясь словами Белинского, к числу «абстрактных» людей, беспачпортных бродяг в человечестве».

Воля ваша, но за всеми этими патетическими закланиями отчетливо слышится прямо-таки болезненная неуверенность в себе. А. Русакова опасается, что от соприкосновения с Западом рухнет вся советская система ценностей, крайне, если следовать этой логике, неустойчивая и непривлекательная. У В. Ткаченко заграница ассоциируется со «сладким куском», «пиршественным столом», а наша жизнь, выходит, непрерывная цепь лишений... Хорошо же думают иные патриоты о своей Родине! Сама потребность в самоутверждении и самовозвышении идет от этого чувства ущербности. Сочетание же комплекса неполноценности с комплексом превосходства рождает в жизни ситуации, достойные прямо-таки пера Михаила Булгакова.

Если почитать, что пишет наша пресса о «мире бесправия», «обществе поправных прав», «разгуле насилия» и т. п., то граждан, отправляющихся на Запад даже в краткосрочную командировку, следовало бы провозжать как панинцев на льдину или Миклухо-Маклая к папуасам. К ним же на разного рода «выездных комиссиях» очень часто относятся как к людям, выторговывающим себе незаслуженные привилегии, стремящимся поставить себя над остальными советскими гражданами. Разве не абсурд «общественники», призванные блюсти точку зрения, провоз-

глашаемую газетами, на деле чуть ли не каждым своим вопросом демонстрируют, что этим газетам не верят, а исходят из каких-то своих, сверху явно не санкционированных представлений.

Хорошо, что у нас стали писать о советских гражданах за границей, в том числе и о таких позорных явлениях, как охватывающие некоторых наших сограждан за кордоном скудость, стяжательство, даже воровство. И в то же время иной раз просто диву даешься, читая, что же предлагают для преодоления этих явлений.

Не могу удержаться, чтобы не процитировать, например, рецепты, прописываемые Игорем Альтером в журнале «Огонек»: «При существующей у нас системе оформления за рубеж человека заслоняет его анкета. Она, как здоровье космонавта, почти всегда отменна, все в ней на высшем уровне. И границу пересекает анкета, бумага, на которой все, кроме совести... Где искать прокол? В коллективе, партийной, профсоюзной или комсомольской организациях?.. Увы, пока не изобрели аппарат, способный высветить нашу мораль, нравственность, заглянуть в душу. Может, оно и к лучшему, ведь отличие человека в его непредсказуемости. И чаще всего в тех ситуациях, когда он чувствует себя абсолютно безнаказанным! В группе, хочу заметить, легче всего скрыть негативные стороны. Хотя бы потому, что ни в одной анкете не указано, что группа — коллектив в целом — отвечает за недостойное поведение любого, находящегося в ее составе. А может, именно за рубежом, где чувство ответственности за престиж своей страны должно быть необычайно высоко развито, принцип «один за всех и все за одного» оказался бы наиболее действенным?»

Какие высокие слова о турпоездке за свои деньги в Болгарию! Трудно спорить, что по поведению иностранцев за границей судят о стране. Но стоит ли ради этого вводить круговую поруку? Стоит ли устраивать показуху? Создать, вдобавок к экспортному варианту автомобилей, тракторов, консервов

еще и экспортный вариант советского человека?

Если все приведенные мной выше суждения, наблюдения о чем и свидетельствуют, то только о том, что в советском общественном сознании присутствует какое-то ненормальное (другое слово и подобрать-то трудно) отношение к границе. Люди парахоятся от неумеренного восторга перед заграницей и самоуничижения к самовосхвалению и ничем не вызванному недоброжелательству к чужому и не готовы, кажется, признать только одного — что мы равные, но разные.

Такое парадоксальное, заинтересованно-настороженное и восторженно-враждебное отношение к загранице свойственно нашей культуре с незапамятных времен. Но далекое прошлое достойно отдельного разговора. Я же ограничусь лишь самыми беглыми замечаниями о советском периоде нашей истории.

После 1917 года мы создали новый мир на социалистических принципах, и уже одно это резко отделяло нас от мира старого. Участие в грандиозном строительстве социализма, массовый энтузиазм 20—30-х годов порождали у советских собственную гордость; и вместе с тем лозунги типа «Догнать и перегнать Америку» побуждали уже поголовно грамотное население сравнивать, сопоставлять себя с Западом. В то же время единственное социалистическое государство постоянно ощущало себя во враждебном окружении, отчето у нас формировалась психология людей из осажденного лагеря. Явления, сопутствовавшие культуре личности, в принципе немислимом без внешнего врага, реального или придуманного, а чаще и того, и другого, придавали этой психологии совершенно извращенные формы.

Огромный след оставила и «холодная война», когда идеологическая враждебность достигла тотальных масштабов, породила настоящую психологическую войну не только против противника, но и против собственных народов. В США это был маккартизм, «охота за ведьмами», у нас — шпиономания, многочисленные кампании по искоренению «низкопоклонства перед Западом». Все

это породило массовую «психологию «холодной войны». «Психология «холодной войны» — это психология «двойного стандарта», когда одни и те же явления оцениваются как отдельный недостаток, случайность «у нас» и как закономерное проявление порочности строя «у них». Это и подозрительность, привычка к тому, что в обществе непременно есть внутренний враг, вдохновляемый извне, и кризисное сознание, постоянное ожидание опасности, независимо от того, есть для этого основания, или нет.

Эта психология не умерла с окончанием «холодной войны» политической, однако весьма своеобразно трансформировалась в период застоя. Мы все меньше верили в свою способность улучшить что-то в жизни общества и, хотя ситуация мало кому нравилась, многие начинали смиряться с мыслью, что обречены на бесконечное жите без перемен или ждали перемен к худшему. Разве это не причина для комплексов и не основание считать свое общество ущербным?

И не случайно в тот момент официальная пропаганда пыталась снять эти очевидные противоречия вполне в духе психологии «холодной войны» — за счет очернения Запада, изображения жизни там «еще хуже», чем у нас, и путем сваливания на него всех наших бед. И ей, вроде бы, верили очень многие люди. И в то же время кредит доверия уже подрывался. А были и такие представители общественности, которых пропаганда спроводировала на столь же иррациональное отношение к загранице, хотя и с противоположным уклоном. Реальные проблемы другого лагеря казались мелкими и надуманными в сравнении с парадными витринами, жизнь за границей виделась в розовом свете. Что почти отсутствовало — это разумный критический взгляд на свои проблемы и на реальную, а не придуманную заграницу...

Что же вносит в наше отношение к загранице перестройка, гласность, новое политическое мышление? Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложен.

Главное, на мой взгляд, состоит в том, что кардинально изменилась обще-

политическая и общеидеологическая ситуация. Новое мышление — это действительно **новое** мышление, означающее разрыв не только с наносными явлениями периода застоя, но и с куда более основополагающими догмами «холодной войны» и культа. Концепция взаимной безопасности, заявления о том, что у каждого народа своя правда, означающие, по сути, признание законности множественности форм социально-политической организации в мире, новая внешнеполитическая тактика, наглядно демонстрирующая, что уступки и гибкость дают куда более позитивные практические результаты, чем застенчатая твердость позиций в сочетании с ругательством — во всем этом мне видится признак отказа от деления мира на «правильных» нас и «неправильных» их. Демократизация и гласность уже сегодня дают возможность открыто и честно, на равных, разговаривать с границей, будь то в частных беседах или перед миллионными аудиториями. Все это резко повышает самоуважение советских людей, а достоинство граждан — фундамент здорового общества.

Но новое мышление сегодня — это пока главным образом возможность или набор возможностей, реализация которых осуществляется в общественной среде, в которой еще слишком сильны предрассудки в духе «холодной войны» и культа, формировавшиеся не одно десятилетие. Я бы даже говорил о существовании универсально нового мышления, такого, где мы действительно стали мировым лидером, прежде всего в области разоружения и безопасности, и о **новом для нас** мышлении, где мы приближаемся к здравому смыслу, к норме. И это **новое для нас** мышление дается совсем не легко.

Возникающие здесь ситуации напоминают мне байку о том, как из школы был уволен учитель, учивший детей, что дважды два — десять. Новый учитель, дабы не подрывать авторитет школы и не травмировать учеников слишком резким отходом от усвоенного знания, стал говорить им сначала, что дважды два — девять, потом — восемь, семь и так далее.

Действительно, упрощаются правила

оформления туристов в социалистические страны, но все равно сохраняется требование о согласии на поездку с места работы. При этом вообще в неприкосновенности остается прежняя архаичная и многоступенчатая система утверждения характеристик выезжающим в капиталистические страны. Прекращается глушение «Голоса Америки», но продолжается — радио «Свободы» и «Свободной Европы». Важная информация о наших внутриполитических делах сообщается иностранной прессе, но утаивается от советской общественности. Рациональных объяснений для такой градации просто нет. Истинная причина все в тех же внутренних комплексах, в непривычности пути, на который мы вступили. Конечно, движение идет в правильном направлении. Но что будут думать об арифметике дети, получая каждый день новый ответ одной и той же задачи? Идя к здравому смыслу постепенно, мы лишь затрудняем себе каждый шаг, подкрепляя представления о том, что все-таки в этой границе есть что-то подозрительное и опасное и что выезжающие туда советские люди в массе своей неблагонадежны. А психология «холодной войны» и так слишком распространена, чтобы ее еще усиливать мерами по осуществлению нового мышления.

Я вовсе не хочу сказать, что все те, кто с недоверием относятся к границе, кто трактует патриотизм как нечто, непременно противостоящее иностранному, кто живет представлениями, почерпнутыми из времен «холодной войны» и застоя, — непременно стремятся к «холодной войне», считают принципиально невозможной разрядку, нормализацию отношений между системами. Однако совершенно очевидно, что настроения подобного рода в корне противоречат новому политическому мышлению. Они будут тянуть нас назад, заведомо заужая границы и возможности разрядки. Более того, можно быть уверенным в том, что и сегодня, и в обозримом будущем возникновение так или иначе связанных с границей непривычных, необкатанных ситуаций, по которым не выработано однозначных инструкций (а таких ситуаций ста-

новится все больше по мере развития наших международных связей), будет стихийно приводить к рецидивам психологии «холодной войны».

Наконец, психология «холодной войны» может стать и препятствием на пути демократизации нашего общества. «Что о нас подумают на Западе?!» — все чаще восклицают те, кому не по душе развернувшаяся в стране самореклама.

Я говорю обо всех этих тревожащих меня вещах для того, чтобы доказать, что хотя историческая динамика сегодня и на стороне нового мышления, это не гарантирует ему автоматического распространения в толще общества. Если мы хотим, чтобы новое мышление не осталось уделом ограниченного круга людей, необходима целенаправленная работа по его распространению.

Что для этого нужно?

Прежде всего, мне кажется, окончательно признать существующие реальности. Заграница всегда будет рядом с нами, никуда не денется, мы будем продолжать сравнивать себя с Западом и по каким-то показателям, в частности по уровню жизни, сравнение еще долго будет не в нашу пользу.

Попытки отрицать такие вещи, продолжать чернить Запад — практически бесполезны; если они к чему и приведут, то к постоянному воспроизведению недоверия к пропаганде и ненормального отношения к загранице, наносящего ущерб демократизации, а следовательно, всему развитию нашего общества. Так что тут уже не до ложно понятых престижных соображений.

Сегодня, когда все человечество наоборот связано между собой экономически, глобальной сетью коммуникаций, общей угрозой ядерного и экологического самоуничтожения, нет ни одной проблемы, которую можно было бы решить, отгораживаясь от мира. Необходимо перестать фетишизировать государственные границы, убрать все не обоснованные экономически препятствия в контактах, будь то туризм, прямые связи между общественными организациями и людьми, поездки на заработки или политическая эмиграция. Это будет не каким-то «идеологическим разору-

жением», а политикой, следующей естественному ходу вещей, то есть научной политикой, способствующей динамичному развитию нашего общества и всего человечества.

Если контакты между Востоком и Западом станут таким же обычным делом, как общение между москвичами и ленинградцами, или, скажем, литовцами и казаками, заграница утратит некую ауру запретной притягательности, мы увидим ее **настоящую**, а не через призму нашей печати. Наше отношение к ней будет демистифицировано. Когда наше сознание не будет затуманено страхами, подозрениями, избирательными впечатлениями от прогулок урядкой по кварталам порока Гамбурга или Парижа, нам станет куда легче свободно и без комплексов выявить в сопоставлении с Западом самобытность нашей собственной культуры, самостоятельность своего пути развития, определить свое место в мире, в общем потоке развития человеческой цивилизации. Причем, это вовсе не потребует от нас того, чтобы мы «возлюбил» Запад и утратили критический взгляд на него.

Нормализация в широком смысле нашего отношения к Западу будет способствовать и нормализации его отношения к нам, сделает его более восприимчивым к нашему влиянию. В результате, вероятно, отпадет сама по себе масса проблем, которые сейчас мучительно решаются на переговорах между государствами.

Идти по пути нормализации отношения Востока к Западу надо в любом случае, независимо от того, есть ли встречное движение, и не выдвигая каждый шаг за уступку. Во-первых, это нужно нам самим, а, во-вторых, сама логика процесса будет толкать Запад нам навстречу, как это уже происходит в области безопасности.

Что же могут сделать для распространения нового мышления уже сегодня люди, не принимающие государственных решений. Мне кажется, нужно обязательно понять, что истоки мышления в духе «холодной войны» — не столько во внешних реальностях, сколько в нашем сознании. Следует также

проникнуться уважением к позиции оппонентов, пониманием, что то, что представляется заблуждением, является чаще всего не злым умыслом, а вполне закономерным и неизбежным явлением, которое изживать придется еще очень и очень долго. И вести честную и упорную идейную борьбу.

Необходимо свободно обсуждать весь круг проблем, стремиться к расширению спектра позиций. В полемике с внутренними оппонентами, как и с внешними противниками, очень важно не принимать их условий игры. Уходить от примитивного деления на «мы — они», не позволять монополизировать понятия патриотизма и любви к Родине. Надо вводить в дискуссии многомерную, сложную картину мира, задавать вопросы, которые требуют того, чтобы над ними задумывались, смотреть свежим взглядом на привычные ситуации.

Давайте посмотрим непредвзято на проблему эмиграции. Откуда известно, что все эмигранты предатели Родины? Опросов среди них касательно мотивов выезда вроде бы не проводилось «Вражья голова» говорят? Так там сидят наши противники, и им сам бог велел истолковывать какие-то явления в ущерб нам. Мне же, например, кажется, что подавляющим большинством эмигрантов движут чисто экономические мотивы — обрести более устроенный быт, подзаработать. Рискну даже предположить, что их мотивы не отличаются принципиально от намерений тех, кто выезжает за границу по официальной линии (не секрет, например, что желание подзаработать, одеться, нако-

пить на машину, кооператив и т. п. в той или иной степени присуще большинству людей, отправляющихся на работу за рубеж). Эмиграция может быть и ошибкой, и глупостью, но это вовсе не обязательно вина перед Родиной. Так зачем же мы поверили (и, похоже, продолжаем верить) нашим недругам на слово, даже не проверив ничего толком?

Неужели так трудно дойти до простой мысли, что необходимость пройти через многочисленные бюрократические унижения с политической подоплекой, нести на себе ярлык предателя в глазах обществности — вот что действительно способно вытравить любые добрые чувства к своей стране. В результате мы сами себя лишаем перспективы иметь в той же Америке дружественно настроенную и не такую уж малочисленную группу населения.

* * *

Честные усилия по развенчанию враждебных стереотипов в массовом сознании внутри разных обществ неизбежно превращаются в интернациональные действия. Сегодня мы видим уже массу примеров этому — расширение контактов между людьми, культурных обменов и многое другое. Этот процесс должен развиваться постоянно, вне зависимости от состояния политических отношений.

Мне очень хочется закончить эти заметки на оптимистической ноте. И сегодня для этого есть все основания. Как бы ни сложны были задачи и отдалены результаты, все-таки приятно сознавать, что сама жизнь, история на стороне нового мышления.

Из почты Фонда мира

Я, Фаизова Лилия, пионерка, ученица Куресьской средней школы Чебоксарского района, перечисляю свою первую в жизни зарплату в Фонд мира. Эти деньги я заработала в лагере труда и отдыха (17 руб.)

Ученики 1-го «В» класса за проданную самодельную мягкую игрушку на школьной ярмарке получили 12 рублей, которые решили послать в Фонд мира.

Средняя школа № 24 1-й «В» класс.
г. Кировоград, УССР.

Примите мой скромный вклад в дело борьбы за мир и разоружение (100 руб.)

Рафаэль АХМЕДЖАНОВ
г. Актюбинск.

Во имя прочного мира на планете Земля (10 руб.)

Хмельницкая обл., ЛАСКОВ Б. Т.
г. Каменец-Подольский.

Рыболовецкий колхоз имени В. И. Ленина перечислил в Советский фонд мира всю полученную им денежную премию в сумме 23.250 рублей.

Иван СЕМЕНЧУК
г. Петропавловск-Камчатский.

О НАШИХ АВТОРАХ:

СЛЕПУХИН Юрий Григорьевич (род. в 1926 г.) — писатель, автор романов: «Перекресток», «Тьма в полдень», «Сладостно и почетно», «Киммерийское лето», «У черты заката», «Ступи за ограду»; повести «Джоана Аларика». Живет в городе Всеволожске Ленинградской области.

БАТАЛОВ Эдуард Яковлевич (род. в 1935 г.) — кандидат философских наук; зав. сектором общественного сознания Института США и Канады [ИСКАН] АН СССР, Москва.

РУБЦОВ Владимир Федорович (род. в 1932 г.) — кандидат исторических наук; член редколлегии журнала «Коммунист», Москва.

ДЖУНУСОВ Масхуд Садыкович (род. в 1919 г.) — профессор, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологических исследований АН СССР, Москва.

ПАНКИН Алексей Борисович (род. в 1957 г.) — кандидат исторических наук, Москва.

БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

■ LE XXE SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

